

ИНЖЕНЕР И ДАЛЕЕ...

Вячеслав Смирнов

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

12+

Вячеслав Смирнов

Инженер и далее.
Повести и рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смирнов В. И.

Инженер и далее. Повести и рассказы / В. И. Смирнов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Описаны приключения периодов инженерной, научной, преподавательской, юридической, экономической и бизнес деятельности автора. Весь путь украшен очаровательными девушками, представленными с уважением и любовью. Действия происходят в России, Латвии, Германии, Китае, в перестройку и до нее. В книге есть и лирические мотивы, немного ностальгии, любовные веселые приключения. Все они и реальны, и выдуманы, с насмешкой над собой, по-утреннему бодры, веселы и свежи. Могут быть интересны молодежи, входящей в большую жизнь, и солидным людям для соотнесений со своей жизнью.

Содержание

Солистка хора им. Пятницкого	5
Плацкартное купе	18
Женя	30
Маскиратор	42
Горьковские истории	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Солистка хора им. Пятницкого

Вдруг попадутся на глаза на кухонной полке пиалы Рижского фарфорового завода, почившего в новой рыночной экономике. Вообразу, что сяду на ковер, скрещу ноги и подобно узбеку, стану пить зеленый чай вприкуску, беря наколотые кусочки сахара с куска газеты, как пил в ташкентской чайхане в нестерпимую жару июля того далекого года. Но стоят пиалы пустыми, а наполняюсь воспоминаниями я. Вот–вот они готовы вылиться, чтобы быть поведаны кому-нибудь.

Впервые эти пиалы увидел на ковре в гостиной, вернувшись из командировки. Знаю, чьи руки поставили их. Красавица Аида из Ташкента навестила дочь Иру – точь–в–точь свою копию, что появилась в Риге с короткой экскурсией, а осталась на годы. Аида позвонила из Ташкента, спросила, может ли она с подругой остановиться у меня. Да может, но меня не будет. Буду в отъезде, в командировке, а ключи для них оставлю соседке. Так Аиду и не увидел. Вернувшись, по появившимся пиалам понял, что она была. Остался ее восточный след – для меня символ Ташкента с его чаепитиями.

Сегодня мой день рождения. Начало мая. Солнечно и тепло. На кустах сирени, заглядывающих с южной стороны через балкон в окно, появились листья. Вот-вот раскроются бутончики и сирени расцветут белыми и розовыми гроздьями. Большой куст алычи опередил сирень и уже весь покрылся мелкими белым цветочками. Из них видны блестящие спинки пчел, окунувшихся в глубину.

Небольшая гостиная заполнена. Гости расположились за раздвинутым столом. Сидят на стульях, на диване и на длинной спортивной доске, концами и в середине, опертой на табуретки. Рядом с именинником сидят его пятилетняя дочка и мама.

Млею в душе, тайно любуюсь Ирой, ее чуть смуглой бархатной кожей лица, сиянием темных звезд очей, опущенных длинными черными ресницами. Взмахнет ими, посмотрит на меня, улыбнется – и я погиб. Окончила иняз университета, учительница, учит английскому детвору дошкольного возраста в детском садике, куда я отвожу свою дочь.

Бывая в Московской консерватории им. П. И. Чайковского, в фойе Большого зала смотрел на картину Ильи Репина “Славянские композиторы “ , я восхищался его идеей собрать воедино великих славянских композиторов и музыкантов – русских , польских, чешских, живших в разные годы и века, некоторых почивших. За роялем братья Антон и Николай Рубинштейны. Эта картина неоднократно всплывала в моей памяти. И много раз в мечтах собирал близко знакомых и любимых мною девушек моего века, за общим столом. Получилась бы большая пестрая группа для картины „Его, и не только славянские, девушки” или “Мои девы разных народов”. В самой большой группе были бы русские, белорусские и украинские девушки. Группку из пяти создали бы еврейки, из трех – латышки, из двух – болгарки. Единственными были бы китайка Ван Ксин Бо, полукитайка Лю Зань Цань и таджичка Самира. Все они в свое время в мечтах была моими невестами.

Вообразил, как бы происходило это историческое собрание дев. Каждая знает меня тем, каким был тогда. Могут вспомнить и сравнить с теперешним. Одна разочаруется, другая удивится, а иная может и восхитится сохранностью или сокрушится, пожалев сегодняшнего. Девушки будут сравнивать меня теперешнего с оставшимся в памяти, соотносить с собою тогдашней и теперешней. Кто-то вспомнит и других своих женихов, и мысленно перекрестится, прошептав:

– Прости, господи, меня, грешницу.

Редко когда последующая знала свою предшественницу и преемницу. Разматываю клубок воспоминаний о них. Началу его – кончику нити, лежащему сверху, воспоминания пока не нужны. Он начинается с последней любимой, с которой мы идем, теперь обнявшись по жизни.

Она самая молодая, самая свежая, в полном здравии, с горящим взглядом, нежнейшим голосом, увлекающая меня в танец при первых звуках ее любимой мелодии. Подчиняюсь, покорно иду и с удовольствием выплясываю с нею. В танце за многими годами ощущаю себя вровень с нею по задору, выделяемым фигурам, по неутомимости. И даже больше – ведь запыхалась она, не я. Она чувственно и искренне, с любовью, припадает ко мне, крепко обнимая нежными ручками. Таким был и я с первой, что теперь на последнем витке клубка воспоминаний. Теперь скорее готов подчиниться и покориться сегодняшней, чем той, первой. Сметет она меня своим молодым знойным вихрем с высоты обрыва, на который взошел и после которого – бездна. Но теперь, мы только вдвоем.

А тогда, на дне рождения, мы с моим последним очарованием сидим как молодые, во главе стола. И каждая из присутствующих особ, пережившая периоды любований ею, встречи, знакомства, влюбленности и любви, также, в свое время, бывала во главе столов ресторанных, кафе и домашних. Знаю, что уже не придут пять из них – Неля, Света, Валя, Надя, Оля. Да упокоятся ваши души и души других, если сошли, о чем не знаю.

Сбылась моя мечта собраться в стократно усеченном виде только с двумя из них – предшественницей и преемницей. Еще разрываясь между ними, подталкиваемый будоражающим волнением от мысли впервые видеть сразу двоих из всего сонма, тайно вкушать любованье ими с удвоенной силой, подталкиваемый неким бесом лихости, пригласил и посадил рядом с Ирой Валентину – полную противоположность Ире. Южанку и волжанку. Горящую жарким огнем Иру и тлеющую Валентину. И внешне, и по темпераменту девушек таких разных.

Валя – высокая, русоволосая волжанка, опрятная, серьезная, строгая, величественная и медлительная, полная врожденных и приобретенных достоинств, и не обронившая ни одного из них. Окончила музыкальную школу и институт, играет на пианино, танцует на льду, выступает в ледовом дворце в новогодних представлениях. Бывал на них. Любовался ее плавно–волнистыми, величественными движениями на льду, выделявшими ее среди остальных фигуристок. Бывая у нее дома, воспринимался мамой каким-то случайно забредшим с окраины Риги. Они жили в невиданной мною прежде квартире в самом центре города. В новой Латвии эту квартиру займет вице–президент республики. Любил сидеть в громадном зале с роялем, за которым Валя играла, но только по моей просьбе классические и популярные мелодии. В половину зала окна. Виден падающий снег, подсвеченный фонарем во дворе, на пианино зажженная свеча, возле меня торшер, а под пианино дремлет овчарка. В отдалении в кресле мама вяжет кофту для Вали. Не делая намеков на женитьбу, но предвосхищая возможное и останавливая мое жениховство, мама когда-то будет просить по телефону:

– Очень прошу вас, не разрушайте Валину жизнь. Ведь у вас дочка растет. А она молода, у нее все впереди. – Обещал не разрушать, слово сдержал – Валу оставил. Понимал маму. Была генеральская семья. Отец – в войну военный атташе в США, недавно начальник высшего военного училища, скончался. Надеялась, видимо, на правильную партию для дочери.

Валя девицей отправилась на полгода повышать квалификацию в Москву. Вернулась в Ригу и вскоре понесла дочку от московского профессора. Растила дочь с мудрой мамой. Но как их, дочерей, удержать, когда в них начинают бродить соки жизни. Валя хорошо держалась. Но этот москвич! Наверно опытный, наверно благородно приступил, да и я был далеко. И на помощь не позвала. Долго–долго не встречал Валу. Увидел на вечере встречи – юбилее ее школы. Но не хватило желания просто пригласить и протанцевать хотя бы один танец. Валя стала еще спокойнее, облекла себя в брючный серьезный костюм, не допускающий помыслить о танцевальных вывертах. Пригласил другую. Своим необыкновенным темпераментом она подходила для самбы “Бразилия”. Отплясывали с нею широко и лихо, оказавшись солистами. Танцевали с упоением, себе в отраду, а обществу на удивление. Будоражили обеих нарочитые сбойки грудь в грудь, а потом пружинные отлеты. Да, и в танце хорошая грудь к красоте большое достоинство. В ее двадцать три разгоралась меж нами запретная любовь. По утрам

ждали друг друга на остановке автобусов. Забирались в автобус и рады были уплотнению, когда через пару остановок автобус переполнялся пассажирами. Стояли и до этого близко друг к другу, а теперь – как в объятиях. И млели от чувств и близости. Вот такая была автобусная близость. Но и ее пришлось прервать. Муж ее обратил на это внимание и стал смотреть и здороваться со мною совсем иначе. Оба дышали любовью. Но оба были благоразумны. Платоническая любовь дотлела и умерла. Остались симпатии. И так как жили в одном районе, то и ушли с вечера вместе. Компания моего стола это заметила, и один из нее потом, при встрече, глядя на меня с восхищением, задал вопросом, в котором проглядывали нотки зависти, и в надежде на мужское откровение, изрек:

– Какую девушку увел. Расскажи.– Лицо выражало любопытство, тон с оттенком подбострастия.

– Эх, дружище, увести бы ее на тридцать лет раньше, было бы что рассказать. А теперь проводил по джентельменски, а раньше-то что было. А теперь – как в песне:

– Нет к прежнему возврата, коль в сердце нет огня. А был, горел с обеих сторон.

* * *

В Ташкенте был отставлен от эксплуатации новый электропоезд. Я, как представитель завода, должен был срочно прибыть в депо и разобраться в возникшей ситуации. Далекий и незнакомый к тому же город был мне, однако, не совсем чуждым. Ведь в Риге была прекрасная его уроженка Ира Саакова. Она дала номер телефона ее мамы Аиды, и ободренный надеждой на поддержку прилетел туда в июле. Автобусом приехал в город и позвонил сразу Аиде с вопросом:

– Где можно было бы остановиться?

– Заказала вам номер в гостинице Совета министров Узбекской ССР.

– Спасибо, а какая оплата?

– Кажется 5 рублей в сутки.

– Сожалею, но мне завод оплатит только 2,5 рубля. Не могли бы вы предложить более простую гостиницу.

– Хорошо. –Через короткое время звонок:

– Удалось заказать, на ваше имя будет номер в гостинице “Ташкент” – в самом центре.

– Большое спасибо, Аида.

Изнывая от жары, держась тени, пришел в гостиницу. Получил ключи и с любопытством открыл дверь номера. Что-то там, какой он? В воображении что-то из сказочного убранства „Тысячи и одной ночи”. Непременно ковры, решетки на окнах, увитые розами. Оказалась большой и высокой комнатой с паркетным полом, двумя широкими кроватями, окном с балконной дверью, ванной комнатой. В комнате очень тепло. Открыл дверь, и почти преодолевая давление пахнувшего жара, вышел на балкон. В широком дворовом сквере фонтан изливал с шипением струи манящей влекущей к себе воды. В дворовом скверике цветник из роз, растущих на глинистой сухой и в трещинах почве. Тишина. Слышно шуршанье струящейся воды. Звуки словно придавлены зноем. Еле ощутимы колебания жаркого воздуха. Изредка прозвучит красивый переливчатый мелодичный всплеск горлинки. Пенье горлинок сопровождало меня и по дороге к гостинице и все дни перемещений по Ташкенту. Как только начинался кустарник вдоль заборов, так из него и начинали звучать их очаровательные прерывистые мелодии.

Утром следующего дня пришел в депо электропоездов. Секретарь ввела в кабинет начальника депо – довольно грузного немолодого узбека, одетого в безрукавку. Он с возмущением рассказал об ужасном состоянии полученного нового поезда, о недопустимо большом разбеге всех колесных пар, что проявлялось в больших поперечных перемещениях пары колес относительно рам тележек моторных вагонов и ударах реборд о рельсы. В техническом отделе

услышал ту же информацию, только изложенную с озлобленными интонациями несколькими лицами, с требованием заменить все 16 колесных пар другими, с нормальным разбегом. Предстояло инспектировать эти колесные пары под поездом, стоявшим на пути над технологической канавой – длинным углублением, по которому можно ходить под поездом, только немного пригибаясь. Попросил лом, рабочие рукавицы, рабочую куртку и пошел один к поезду, поставленному над ямой. Яма глубиной в рост невысокого человека, во всю длину состава, тускло освещается вставленными в бетонные стены лампочками сквозь загрязненные защитные стекла. Воздух ямы наполнен запахом осерненной смазки из редукторы нависающего сверху поезда. Та же смазка и на земляном полу ямы, в которую иногда ступаю. Орудия ломом, сдвигал колесные пары и замерял разбег. В среднем, если не быть придирчивым, он укладывался в допустимые смещения. По его величинам могла возникнуть дискуссия, в которой депо могло настаивать на своем. Свидетельством тому был напористый характер начальника технического бюро. Полагая, что нарушаются требования завода поддерживать определенный уровень смазки в редукторах, решил его замерить. Оказалось, что он значительно ниже требуемого, что указывало на нарушение условий эксплуатации – смазка давно не пополнялась. Аргумент для отказа в претензии депо по разбегу колпар был найден.

Вернулся в гостиницу, отмылся от железнодорожной грязи и смазки и вышел на прогулку в город. Подумал:

– Познакомиться бы с местной девушкой, чтобы она провела меня по городу и хоть немного рассказала о нем и жизни в нем. С этой мыслью фланирую, оглядываю здания, людей. Вижу русскую девушку – блеклое лицо, тонкое платье, в туфлях на высоком каблуке, шиколотки тонкие, икры изящные, волосы заплетены в косу. Решил подойти и переговорить. К сожалению, оказалась москвичкой, из хора им. Пятницкого, прилетела в Ташкент на гастроли хора, идет на рынок, зовут Сашей.

– Очень хотела бы как следует поесть – какие-нибудь местные манты или лагман. Но нельзя, руководитель ансамбля требует удерживать вес не выше 55 кг. Вот и иду на рынок за творогом.

– А я приглашен в гости к местной жительнице на плов. Если сможете, пойдем вместе.

– Что вы. Это не возможно. Как же я приду с вами, кем же вы меня представите?

– Давайте представлю вас как давнюю знакомую по Москве. Будем общаться на “ты”. – Согласилась. Договорились, что завтра она зайдет ко мне в гостиницу в четыре, и оттуда отправимся на плов к Аиде.

С нетерпением и волнением хожу по номеру, жду Сашу. Приготовил фрукты и бутылку местного вина „Кагор”. Варианты в мыслях и надежды типично мужские. Вошла, твердо и играючи ступая, держась прямо, высоко неся грудь. Взгляд серых глаз спокойный, прямой. Волосы заплетены в небольшую косу. Одета в светлое шелковое платье в розочках, с короткими рукавами, туфельки на высоком каблуке. Хороша и светла. Предложил вина и винограда. От вина отказалась.

– Не имею права, боюсь выйти из формы. Поинтересовался:

– В каких странах выступал хор?

– Почти во всех Европы, Америки и Азии.

– А как с оплатой?

– Зарплата хорошая, плюс чеки с правом отоваривания в специальных валютных магазинах “Березка”. По окончании гастролей, вернувшись в Москву, руководство устраивает общее собрание ансамбля, на которое приходит кто-нибудь из правительства Союза. Поздравляет с хорошим выступлением и обычно, кто бы ни был, завершает следующей фразой:

– Девочки, вы хорошо поработали и заработали для страны много валюты. Спасибо. –

Спросил Сашу:

– А что вы делаете, в каких номерах выступаете?

- Выступаю почти во всех номерах. Я солистка, пою и танцую.
- Саша, спойте, пожалуйста, какую-нибудь песню из вашего репертуара.

Одна из девушек – Саша.

– Неудобно, будет слышно в гостинице и на улице.

– А вы тихонько.

– Нет, тихонько не могу. Хотите, спляшу. – Я с вдохновением и радостно:

– Хорошо, давайте. – И Саша начала сразу, с места, отбивая чечетку. Потом пошла кружить в чечетке по номеру. Остановилась передо мной и закатила пулеметную дробь. Протянула руки ко мне, приглашая танцевать. Я, смущаясь, замотал отрицательно головой:

– Что вы, что вы, после вас и при вас, могу только потоптаться медведем – ни за что. – Припал на колени и попытался обнять ее ноги. Но, увы, Саша намек не приняла или, напротив, поняла очень правильно, и отпрянула со смехом:

– Славочка! Это из другого танца. – Слостолюбец был остановлен довольно мило, а потому не мог и подумать обидеться. А день был в разгаре. Комната освещалась ярким июльским южным солнцем.

Прошли короткий путь до дома Аиды, обращая внимание прохожих. Конечно, на эстрадный вид и особую танцующую походку натренированной Саши, что бросалось в глаза. Войдя с улицы под арку, прошли небольшой дворик. Подходя, уже издали, слышался однообразный наигрыш гармошки. Во дворе, на скамейке, под окном сидел мужчина в тибетейке и растягивал меха гармошки. Звуки ее удивляли повторяемостью и какой-то режущей ухо краткостью однообразной мелодии.

Позвонили у двери нужной квартиры. Открыла Аида. Оказалась высокой темноволосой и темноглазой около сорока пяти лет. Лицо молодое, глаза в улыбке, лицо открытое и приветливое, белые блестящие зубы. Вся в Иру, т.е. Ира – в маму. Познакомились, представил Сашу

по имени и нашей с ней версии о давнишнем знакомстве и с почетным званием солистки хора Пятницкого. Сели за стол, уставленный уже созревшей черешней, дыней, арбузом, невиданных размеров томатами и другими овощами, узбекскими винами. У Аиды гостила подруга. Завязалась беседа без выделения какой-либо определенной темы. Но в дальнейшем невольно центром внимания стали Саша, Москва, хор, театры, известные и популярные актеры и актрисы. Аида и подруга задавали вопрос за вопросом, и Саша, зная в Москве казалось бы обо всем, охотно рассказывала. Повела и об отношениях в артистической среде – семейных, любовных, часто драматических. Вопросом не было конца. Чтобы их прервать, я спросил Сашу:

– Какие песни ты знаешь, могла бы что-то исполнить?

– Знаю все песни, какие только есть.

– Как все? И даже старинные и народные?

– Да, именно все.

Были удивлены такому ответу и попросили спеть ту, которая ей по душе сегодня. Саша спросила:

– Хотите народную – „Утушка луговая”? – Да, спой. За открытым окном по-прежнему на пяти нотах гармоника заунывно наигрывала какую-то татарскую мелодию. Саша попросила закрыть окно.

– Мешает гармошка? – спросил кто-то.

– Нет, не мешает, но будет слышно на улице Пушкина.

– Что, и через двор? Это из далекого-то двора, – с некоторым недоверием подумал я. Окно было закрыто, и Саша запела. Голос красивый сильный, с русскими народными интонациями. Временами звучание было настолько сильным, что начинали вибрировать и позванивать стекла в раме окна. Звуки гармоники были подавлены. Все пространство комнаты было заполнено звуками песни. Сердце мое наполнилось восторгом, горло сдавливали спазмы и слезы навертывались. Представлял Россию, бескрайности ее, гордился причастностью к ней, как родом, так и мыслями и делами.

Покончили с необыкновенно вкусным золотистым пловом, поблагодарили за сердечное гостеприимство. Аида любезно просила нас заходить. Я, в свою очередь, пригласил Аиду в Ригу.

Гастроли хора закончились, и Саша завтра вылетала в Москву. В последнюю встречу рассказал Саше о своей научно-исследовательской работе и много, с восхищением, о своем научном руководителе Николае Харитоновиче, холостая жизнь которого, близилась к завершению. Рассказал и о нескольких историях, свидетелем которых, а иногда и участником случалось быть.

* * *

Николаю было около сорока лет. Молодой, здоровый, сияющий, всегда смеющиеся глаза, готовый на улыбку и шутки, которыми сопровождал свое обращения ко мне и ко всем. Познакомился я с ним в Риге, куда он приехал оппонентом на защиту диссертации моего товарища из лаборатории, в которой я работал прежде. Николай на защите выступил и похвалил работу, представленную к защите, высоко оценил вклад в нее соискателя и научного руководителя Гришко Владимира Андреевича. На банкете в ресторане “Астория” знакомство было закреплено должным образом по древнерусским и теперешним обычаям. На следующий день я несмело поинтересовался, не мог ли он быть моим научным руководителем. Николай согласился. И теперь, часто бывая в Москве по служебным делам, я непременно звонил Николаю. Представил ему мои наработки, публикации и план диссертации. Он отверг план, предложив мои наработки нескольких лет сделать одной главой, а остальное – все новое по его идее. Задумался, не отказаться ли и не идти ли и дальше своим путем, по моему плану. Уж очень трудной

и долгой представилась работа. Это огорчало. Хотелось быстро и сразу. Это уже второй руководитель, который осаживает мой порыв. Первым был Владимир Андреевич, когда показал ему мою первую в жизни, подготовленную самостоятельно, первую статью в труды Всесоюзной конференции в Саратове, с просьбой оценить – подойдет ли, достойна ли она столь высокого собрания. Бегло просмотрев ее, он глубоко вздохнул, обреченно опустил голову, поднял ее и с укоризною в глазах, глядя на меня, изрек казенным тоном:

—Уважаемый Вячеслав Иванович, чтобы посылать на такую конференцию, нужно очень много работать. – Но не добавил, мол, над этой статьей. Послал все же ее, получил приглашение на конференцию и прилетел в Саратов. Поселили в гостинице при стадионе, в комнате на несколько человек. Завтракать можно было в городской общей столовой на первом этаже. С восьми утра в меню были несколько традиционных блюд – биточки, винегрет, квашеная капуста, чай и компот. Удивление вызвали щи из квашеной капусты. Щи и на завтрак – в Риге ни в одном месте такого не встречал. Успевали их сварить и ввести в меню только к обеду. Стоя в очереди вместе с горожанами, наблюдал, что многие из них берут щи, биточки и компот. Правда, некоторые брали и водку, которую наливали в граненые стаканы кассирша. Тогда щи становились более объяснимым блюдом.

Выступил с докладом в секции “Износостойкость зубчатых передач”. Приготовился ответить на вопросы, но как это было и с предыдущими докладчиками – их не было. После дня конференции бродил по городу. На берегу Волги издали увидел скопление народа. Подошел – все мужчины, голова очереди склонилась к бочке, на которой зелеными большими буквами выведено „Пиво”. Бочка стоит на наклонном к воде берегу, краном к Волге, чтобы сливалось все без остатка. В руках у многих банки то литровая, то трехлитровая, у других – алюминиевый бидончик с ручкой. Вдоль очереди ходит мужичок, предлагает на закуску воблу вяленую или сушеную. Тут же стоят группки отоваренных, уже утоляющих жажду на солнышке, ведут дружеские беседы, выпивая кто из чего, закусывая и шелуша на земляной, без единой травинки, вытоптанной откос рыбою кожуру, бросая рыби головы и обглоданные скелеты. Вечером познакомился с саратовской девушкой, светловолосой, среднего роста, улыбочивой и жизнерадостной. Просто гуляли по улицам, скверу и парку над Волгой. Уговаривал ее зайти в гости в мою гостиницу. Отказывалась, отнекивалась. Тогда стал приводить сильные, на мой взгляд, аргументы – обещал угостить рижским бальзамом и конфетами фабрики “Лайма”. Подействовали. Дошли до гостиницы и поднялись на лестничную площадку у моего номера. Войти в комнату ну никак не соглашалась. И так стояли до глубокой ночи. Дойдя до изнеможения, сдался и проводил ее до подъезда.

И вот снова, но уже новый научный руководитель, Николай Харитонович:

– Придется долго и много работать. – Одно соблазняло – ни у кого в мире не будет испытательной машины с такими высокими параметрами, что позволит моделировать процессы заедания и износа в зубчатом зацеплении и подшипниках любых механизмов на суше, в воде и в воздухе, включая и сверхзвуковые самолеты. Поддался соблазну и заключил соглашение, пусть не с чертом, но на чертовски трудную жизнь и работу, как и оказалось впоследствии.

Решая заводские дела в Москве, непременно встречались с Николаем не только в его институте, но и у него дома, в одной комнате холостяка, в общей с его соседкой – Зинкой квартире. Случалось по-дружески бывать в ресторанах. В одну из встреч Николай сообщил, что собирается жениться. Невеста молода, хороша собой, хозяйственна и добродетельна, от хороших родителей – майора и врача. Назначен день свадьбы, пригласил меня в свидетели и, конечно, на свадьбу. Тут-то я и вспомнил о недавнем знакомстве с Сашей в Ташкенте. Вдруг она окажется в Москве? Решил пригласить ее, чтобы не быть на свадьбе сирым холостяком – не везти же в Тулу свой самовар.

В оставшееся до свадьбы время Николай не изменил себе и проводил его как всегда – ничуть не прощаясь с холостой жизнью, как некоторые женихи, с грустью и отчаяньем, –эх,

пропадай, мальчонка! – Мне везло, и несколько раз я оказывался с ним. Компанию нам иногда составлял Федор Михайлович, прилетавший в Москву из Северодвинска к Николаю по научным делам, связанным с работой над докторской диссертацией. Федор Михайлович несколько лет провел в плаваниях по многим морям механиком. Используя накопленный материал по отказам в судах, на которых плавал, защитил кандидатскую диссертацию и стал работать доцентом в вузе большого города на Севере. В свое время был в составе сборной четверки страны по лыжам, в эстафетной гонке на восемьдесят километров. Человек веселый, живой, темпераментный, чрезмерно увлекся празднованием побед, да и в будни, что уж говорить, что вместе с невероятными нагрузками в гонках, привело к инфаркту. С тех пор он трезвенник.

И вот мы дружеской тройкой направляемся в Сандуновские бани. Федор Михайлович, как ледокол, проламывается сквозь заслоны швейцара и гардеробщика с его извечным “свободных мест в бане нет”. Мы с Николаем в кильватере. За отдельную плату располагаемся в занавешенном белыми простынями шатре, отделенном от остального зала. В шатре мягкие диваны, покрытые свежими белыми чехлами, стол. На стол Федор Михайлович вываливает из большущей сумки дары Северного моря – рыбы в разных видах обработки, икру, водки, коньяки, минеральную воду. Как доценту с северной двукратной надбавкой к окладу, ему это по средствам и в удовольствие видеть выпивающих друзей, а самому под тосты довольствоваться минеральной водой. Подкрепив дух и тело, ведомые Федором Михайловичем, направляемся в парную. Там он нас поочередно северными приемами выпаривает, приговаривая, что этот способ пришел к нему от Михайлы Ломоносова, которому в четвертом колене он родня. Почти без перерыва он сыплет народными северными шутками–прибаутками. Голос у него тонкий, зычный и звонкий, перебивает все звуки разговоров и смеха, прорывается сквозь плотный жар–пар. Зайдя другой раз в парную, Федор Михайлович посчитал, что пар мокроват, полки засорены листьями от веников и не прибраны. Зычно обратился к парящемуся народу:

– А ну–ка, народ, давайте парилочку почистим. Всем – выходи! Пар–то сырой–пресырой, так и захлебнуться можно.– Медленно и неохотно из тумана верхних полок стали появляться горячие тела, спускаться и выходить, поглядывая на Федора Михайловича оценивающим взглядом:

– Достоин ли, имеет ли право, в чем оно заключено, в каком теле, что позволяет командовать ими?– Рассмотрев Федора Михайловича, стоявшего внизу с вызывающим видом, опустили головы, отводили взоры и выходили – достоин. Фигура его, гордая посадка голы, стрижка ежиком с челкой, голос и уверенность во взгляде не позволяли сомневаться. Роста он ниже среднего, плечист, выпукла грудь, под которой выступает могучий живот. Кто–то остановился возле Федора Михайловича и запротестовал, на что тот зыкнул:

– Вот как пну животом, отлетишь и маму как звали забудешь. – Спорщик сник и вышел. Я, слушая соло Федора Михайловича, внутренне сжимался, опасаясь эксцесса. Николай от души хохотал, подзадоривая Федора Михайловича:

– Прижми, прижми его к животу, Феденька, и отпусти. Пусть узнает, что такое сила упругости в действии.

Разморенные парной устремляемся поспешно, пока тела наполнены жаром, в зал с бассейном. В торце его скульптура пухленького обнаженного херувима. Бросаемся с радостью в прохладную воду, голубую от голубых кафельных стенок бассейна. Гулко отдается эхо от наших радостных возгласов и шлепков по воде. Охлажденные, завернувшись в белые простыни, сидим в нашем шатре. Понемногу пьем с Николаем коньяк, поедаем с аппетитом припасы, привезенные Федором из бассейна Северного моря. Николай выглядывает из–за занавески шатра и обращается к недалеко сидящему пожилому товарищу, пьющему пиво прямо из бутылки, в ногах которого стоят еще несколько:

– Дружок, как бы и нам разжиться пивком?

– Сей момент, доставлю. Приносит. Закончив все банные и застольные дела, собираемся уходить, и я спросил у принесшего пиво:

– Сколько с нас?

– По полтиннику.

Я удивленно:

– Ведь только что при мне рассчитывался по тридцать?

– А что с него возьмешь – инвалид. Вы – то, другое дело. – Уважил.

В блаженном состоянии выходим из Сандунов и направляемся отдохнуть в какой-нибудь ресторан. Подходим к ресторану “Узбекистан”, но не устаиваем его вниманием. Подходим к более европейскому „Будапешт”, о котором, многократно бывавший там Николай, очень хорошо отзывался. Теперь впереди Николай. Степенный швейцар в форме, в фуражке с нашивками золотом, склоняется, видя Николая, дружески здоровается и проводит внутрь. Попадаем в распоряжение метрдотеля, видного мужчину, с достоинством несущего себя. Любезно здоровается с компанией и предлагает выбрать стол. Николай выбирает большой, на восемь персон. Вскоре стол покрывается многими и многими блюдами с яствами, которых в московских магазинах не найдешь. Дружеское вальяжное застолье продолжалось допоздна. Велись беседы на научные темы, о жизни, о любви. Николай подсмеивался над Федором, припоминая парилку и Федин живот, который тот чуть было, не впустил в дело.

* * *

По завершении рассказа Саша рассмеялась и с некоторым восхищением заметила:

– Да, ну и шеф у тебя! – И тут я задал Саше вопрос:

– Буду в Москве и, если Николай пригласит на свадьбу, согласишься ли пойти со мною? – Ответила, что пойдет, если хор не будет на гастролях. Записал номер ее телефона, обнялись почти бестелесно, формально, в щечку поцеловал ее и расстались.

В воскресенье побывал на Выставке достижений народного хозяйства Узбекистана. Территория почти голая, почва глинистая, высушенная жарой потрескалась, даже травы нет. Лишь кое-где, спасающие немного от палящих лучей солнца, низкорослые, с жидкой листвой ивы. Скрываясь от солнца, перемещался по выставке, как пехота под огнем противника, перебежками от ивы к иве. Под одной ивой постою, остыну, и тогда к следующей, все ближе к павильону Сельское хозяйство. Влекло любопытство увидеть достижения республики, завалившей страну хлопком, за который ее первый секретарь награжден двумя золотыми медалями Героя социалистического труда и поговаривали о третьей. Далеко позднее медали были сорваны и все рухнуло. Оказалось, что горы хлопка в отчетах Правительству были приписаны, как и невиданная в мире его урожайность. Но вот я вижу в развитии хлопкоуборочную технику. Вот мотыга, которой в царское время декхане обрабатывали поля под посевы хлопка. Вот в три наперстка хлопковая коробочка царского времени, вот цифры урожайности. Вот фото изможденного декхана в обтрепанном халате и намотанном бесцветном тюрбане на голове, согнутого на хлопковом поле подневольным трудом, с надсмотрщиком – баем, сидящем на ишаке. А рядом выставлена новая техника возделывания и орошения полей, ухода, гербициды, комбайны сбора хлопка. Коробочки хлопковые – с кулак, урожайность выше в десять раз, в полях улыбающиеся колхозники и пионеры. Все в цветных тубетейках. Ознакомился, поел жидкого от жары мороженого, изнывая от жары, влез в мелкое озерцо, тут же, на территории выставки. Вода оказалась горячей, мутной от взвесей с глинистого дна и таких же берегов. Но все же на десять градусов прохладнее, чем воздух.

Сегодня в Ташкенте главное событие полугода – футбольный матч первенства страны между узбекским „Пахтакор” и московским „Динамо”. Стадион “Пахтакор” находится на окраине Ташкента, но недалеко от центра. Пошел пешком в потоке людей в тубетейках. Раньше

видел в кинофильмах южные города с глиняными домиками, ровными стенами без окон, обращенными к улице. Идя теперь, воочию это увидел и с любопытством все осматривал. Охватывала какая-то жуть от этой ветхозаветности. Усугублялось это чувство воплями ишаков из дворов, пометом на дороге. Такие же глухие стены домов и улицы видел Иисус, те же крики ишаков ловило его ухо.

Стадион новый, амфитеатром деревянные скамьи, уходящие вверх, поле в усохшей травке, лысеющее у ворот. Вместимость его под пятьдесят тысяч зрителей. Вся чаша стадиона забита людьми в тубетейках. Люди говорливы, громки, подвижны, жестикулируют еще до начала игры. Сичу между ними, немного страшно, а не заденут ли меня, чужака.

Матч начался. Сразу все встали с мест. Руки воздеты вверх, лица искажены криком „Уррр“. Это подбадривают свою команду. Узнал перевод клича – бей, убей. Осторожно оглядел зрителей – волнуется рябь тубетеек. В перерыве люди идут вниз, встают в бесконечную очередь к одной будке с мороженым. Другие направляются к туалету. Вход в него находится вровень с землей, без какой-либо ограды. Ступеньки ведут вниз. Но болельщики вниз не идут. Сотни их плотно окружили прямоугольный проем и вполне удовлетворяются его архитектурой.

Жара в городе стоит несносная. Думаю о тени и ищу ее, меняя стороны улицы при ее изгибах, чтобы попасть под кроны редких деревьев. Увидев под легким фанерным навесом чайхану, устремляюсь в ее сторону, предвкушая чаепитие. Перед прилавком стоят несколько пластмассовых столиков на алюминиевых ножках и табуретки. Подхожу к буфетчику и прошу чай. Он берет заварочный чайник, всыпает в него щепотку чая и заливает кипятком из бойлера. Вырывает из школьной тетрадки клетчатый лист, рвет его на четыре части, бросает на прилавок и высыпает на него щепотку мелко наколотого кускового сахара. –Бери, друг, двадцать копеек стоит. – Переносу дары чайханы на столик. Любуясь светло-зеленой струйкой, наполняя пиалу, приподнимаю ее, и неудобно выворачивая ладонь и растопырив все пальцы, бросив в рот кусочек серого сахара, с наслаждением делаю первый глоток. Периодически вытирая пот с лица, отхлебывая понемногу, завершаю чаепитие и выхожу снова под солнце.

Страшно подумать об обеде в жарком помещении. Переходя по мостку узкий арык, заметил внизу дощатый настил наполовину над водой, над которым нависали ивы, прикрывая от солнца несколько столиков. Посреди настила на кирпичном помосте была сооружена деревянная печь. На ней, в тлеющих углях, возвышался громадный медный котел в диаметре около двух метров. Повар длинной деревянной мешалкой крутил что-то в котле. Подошел, спрашиваю:

—Чем угощаете? – Повар опер мешалку о край котла и, орудуя как рычагом зацепил, натужился и вывернул ковш. С него свисала лапша.

– Видишь, лагман делаю. Кушать будешь? Бери большую тарелку – хорошо будешь покушать. – Погрузил ковш, помешал в котле и вылил в тарелку смесь лапши, мяса и жижи. Попросил еще и чай. Чай был приготовлен, как и в чайхане. Лагман оказался вкусным, только трудно было улавливать выскальзывающую длинную плоскую самодельную лапшу ложкой. За дальним столом, в конце настила, расположилась узбечка в ярком полосатом халате с грудным ребенком. Она кормила его грудью. Стол рядом занимали четыре средних лет узбека. Они оживленно беседовали на узбекском. Ивы над головой, журчанье арыка под настилом, вид такой желанной текущей воды за перилами, незнакомый говор, женщина с младенцем–все выглядело таким необычным и очень древним. Казалось, что мне удалось побывать в средневековом Узбекистане.

Вернувшись в один день из депо, нашел в моем номере соседа. Им оказался узбек из Андижана, учитель. Приехал в Ташкент на предварительную защиту диссертации в области педагогики. Во время беседы продолжал уютно лежать на кровати. Выглядел полноватым как лицом, так и телом, выдавался заметно животик. При том был старше меня наверно всего на пять лет или даже моих же лет. Видимо был очень близок к плову и далек от физкультуры.

Разговорились о житье – бытье у нас и у них. Почему-то зашел разговор о многоженстве. Поинтересовался:

– Жив ли этот обычай сейчас в Узбекистане?

– Нет, ответил. Разве что в глубинке деревенской, в кишлаках. Но в этом обычае что-то есть. Вот посмотри. Живу я, молодой человек двадцати лет. Полюбил, женился. Мне 20 и ей 18 лет. Живем 5–10 лет. Мне 25–30, ей 23–28. Я прежний мужчина! Она уже солидная женщина. Что мне делать с нею? Беру вторую жену. Мне 25–30, ей 18 лет. Я снова, но какой, мужчина! Живем 10 лет. Мне уже 40, ей 28. Ну какой уже я мужчина. Снова женюсь – ей 18. Я снова мужчина! Теперь ты понял, что такое многоженство, и плохо это или хорошо?

– Понял, – отвечаю. Одно меня смущало. Показалось, что в его речах это рассуждение не было чем-то абстрактным. Задор и мечтательные интонации в голосе, некоторая поволока в глазах – все говорило о то, что это его мечта. А кандидатская диссертация и защита помогут ее осуществить. Может быть, и не в отдаленном кишлаке.

В понедельник – снова я в депо. Напечатал акт ревизии поезда. Несколько колесных пар действительно могли быть признаны имеющими увеличенный, но допустимый боковой разбег. Однако, пониженный уровень смазки во всех картерах был нарушением условий эксплуатации, давал повод отклонить претензию депо и остановить действие гарантийных обязательств завода. Работники техотдела воспротивились, ошетинились, разозлились на меня. Я был приглашен к начальнику депо. Тот подверг меня суровой критике, обвинил в некомпетентности. Угрожал звонить в завод, в Управление Среднеазиатской дороги и МПС с просьбой отозвать некомпетентного инженера. Но я все же настоял на своем варианте акта, не подписав его, отразив причину отказа в претензии в особом мнении. Поняв бессмысленность борьбы с представителем завода, инженеры смирились и на прощание дружески простились со мною, подарив живую пустынную черепашку. С нею я и отправился в аэропорт.

Рейс самолета на Ригу откладывается раз, другой, и вот уже стемнело, и вот приближается ночь. Рейс отложен до утра. Все места для сидения заняты. Остается свободным бетонный пол. Присел на него – очень жестко. Подумал лечь, но ужаснулся даже от этой мысли, почти ощутив боль в боках, спине и груди от жесткости пола. Вышел из вокзала, смотрю в ночь, смотрю на звездное небо, слушаю стрекот цикад. Все еще жарко. Пошел дальше во тьму. Вышел в поле. Неясные очертания возвышенностей на нем вселили надежду, что это копны сена. Выбрал ближайшую, надергал сена, получилась мягкая подстилка, и, подложив сумку под голову, улегся под звездами южного неба. Лежу, смотрю на звездный хоровод, слушаю звон цикад и чувствую, что перенесся в другой мир и парю в нем. Мысленно переносюсь в далекое прошлое, когда не было меня, Риги, Ташкента, поездов и депо. Было одно звездное небо во главе с Луною. Спокойно уснул. Ночью посвежело, укрылся курточкой. Забрел к аэровокзалу в надежде на обещанный в 6–30 рейс. Радовался двум удачам – рейс состоялся, взлетели и приземлились.

* * *

К осени определился день бракосочетания Николая и Тани. Получив приглашение на свадьбу, приехал в Москву, позвонил Саше. На мое счастье она оказалась в Москве, согласилась, и я, согретый в душе ее обещанием быть, договорился в назначенный день и час встретиться с нею в фойе гостиницы “Москва”, чтобы вместе последовать в Мраморный зал на свадебный банкет.

Осенним вечером, после Загса приезжаем с молодыми в ресторан, а Саши нет. Молодые проходят, я же остаюсь в фойе и жду Сашу, а ее все нет и нет. Сильно опоздав, появилась. Рад, но все же спрашиваю:

– Не могла ли к семи часам, ведь молодые и гости все в сборе. Идем скорее в зал. – Саша в ответ поведала свои приключения.

– Приехала вовремя. Подхожу к” Москве”. Швейцар перегородил вход, спрашивает:

– Куда пришла?

– Приглашена на свадьбу.

– Покажи приглашительный билет.

– А его ведь у меня нет.

После этого швейцар, нагло наступая на меня:

– Ишь, краля, вырядилась. Глаза намазала, мини-юбку натянула, чулочки прозрачные.

На свадьбу приглашена. Здесь приличные люди. Тебе не сюда, а напротив, в “Националь”. Может и пройдешь.

Саша рассказывает, а у самой глаза со слезою от возмущения и обиды.

– А что же потом, – спрашиваю.

– Потом пошла в туалет, что напротив Дома Союзов (Дом Благородного собрания). У меня в сумке был концертный цыганский комплект – длинное цветастое платье, туфли на невысоких каблуках, переделась. И вот стою перед тобою. Попробуем пройти теперь. Прошли.

Мраморный зал имеет довоенные, соответствующие советскому стилю гигантомании размеры по площади и поразительно высок, стены облицованы мрамором, висят очень большие хрустальные люстры. Накрыты четыре ряда столов, каждый в тридцать метров длиной, гости расположились по обеим сторонам столов. Съехались из всего Союза – от Молдавии до Дальнего востока, от Северодвинска до Ташкента. Все занимаются научными исследованиями, многие остепененные кандидаты или доктора наук. Многие возглавляют лаборатории, научно-исследовательские институты. Представлены Армия, Авиация и Флот страны. У многих Николай был научным руководителем или консультантом. На подиуме расположился оркестр из музыкантов, знакомых Николаю с дней юности. Некоторые из его же дома. Он их слушал многие годы в ранней молодости. Но главная причина пригласить именно этот состав – их горячий стиль исполнения, что под стать темпераменту Николая.

Начался банкет с выбора тамады. Кто-то предложил:

– Пусть произойдет самовыдвижение от каждого стола по тамаде. – Минуты не прошло, а четыре тамады нашлись и повели банкет поочередно. Все оказались людьми талантливыми по своему. Выделялся один – из Волгограда, с прекрасным голосом, умением петь, шутить и вести дело, срывая аплодисменты одобрения и восторга всех собравшихся. Учитывая размеры зала и число гостей, каждый тамада был с микрофоном и передавал его гостю, получившему слово для поздравления. Не было отбоя от желающих поздравить молодых, высказать очень теплые чувства к Николаю и его супруге.

В разгар застолья вдруг Саша теребит меня:

– Попроси нашего тамаду дать мне слово для тоста.

Попросил. Тамада просит ее подойти, чтобы она взяла микрофон. Саша, немного смущаясь, отвечает ему:

– Пока что мне микрофон не нужен. Могу и так. – И со своего места, обратив лицо к молодым, поет русскую народную здравицу молодым. Голос оказался красивым и сильным. Заполнил собою все большое пространство Мраморного зала. В здравнице прозвучали слова уже сказанные до этого гостями и все, что еще не успели пожелать, и еще многое, накопленное, вложенное в пожелания от души русского народа. Еще раз убедился в таланте Саши. Какой прекрасной чарующей силой обладает ее голос, исполняющий русскую народную песню. Покоренный содержанием и Сашиним исполнением песни, зал истово аплодировал. Восторгом аплодисментов гости присоединялись к словам песенного тоста и обращались вместе с Сашей к молодым. Молодые это ощущали и со своей стороны отвечали счастливыми улыбками.

Оркестр наигрывал зовущие в танец мелодии. Я танец за танцем танцевал с Сашей. Снова и снова, восхищаясь ее бесконечной послушностью любым моим вывертам, выпадам, выкрутасам самого неожиданного и внезапного для нее характера. Она отвечала идеальной послушностью, что указывало на ее выдающийся танцевальный класс. Таким образом, вблизи и вплотную, я ощутил и понял, что такое профессиональный уровень солистки хора им. Пятницкого. При этом Саша ни разу не проявила высокомерия, хотя бы пошутив над моими выкрутасами, включая рок-эн-рольные переходы и броски.

Расстался с Сашей надолго. Однажды, будучи в Москве, позвонил ей, предложил встретиться. В ответ:

– Слава, охотно бы встретилась, но не могу выйти. Муж у меня такой ревнивец. Уходя в театр, запирает меня. Была свободная и счастливая, а теперь затворница. Прости.

На круглой афишной тумбе, оклеенной сверху до низа объявлениями на латышском, бросилось в глаза одно – с русской стариной вязью и фотографией хора. Хор Пятницкого прибывает в Ригу и выступает в Доме Латышского общества. Обрадовался – увижу Сашу. Пытался на афише разглядеть ее, но не смог найти. Девушки имели почти одинаковые лица, косы и платья. И роста были ровного. Еле дождался указанной даты и пришел в концерт. И снова не смог разглядеть Саши. По окончании остался в вестибюле ожидать выходящих артистов. С большим вниманием разглядывал каждую выходящую девушку, боясь, что за более чем пятнадцать лет Саша могла измениться, и я ее пропущу. Но вот выходят все реже и реже. Уныло стою. Не выходит больше никто. Все собрались в вестибюле в одной группе, а Саши не видно. Тогда обратился с вопросом к одной девушке:

– Скоро ли придет Саша?

– Нет, ее вообще не будет. Она заболела и осталась в Москве. – Осталось только передать ей привет от меня, Славы, из Риги. Так вот и прервалась нить, связывавшая меня с хором Пятницкого, знакомством в Ташкенте с Сашей и недолгим продолжении на свадьбе моего научного руководителя.

* * *

Но с Ташкентом не все прервано. За столом сидит искрящаяся огнем Ирочка, тонкими пальчиками держит ложечку, ест мороженое, беседуя с серо-гранитной Валечкой, которая излучает тишину и спокойствие, словно скользя по льду на большом радиусе. Я конечно никому не рассказывал ни о Ирочке, ни о Валечке, ни им друг о друге. Празднование моего дня рождения прошло весело и мирно. Расходились обе по домам в разное время, и я, как хозяин, проводил по очереди каждую с ласковыми прощальными словами.

Вскоре Ира оставила рижского мужа и улетела в положении к маме, в Ташкент. Там родила сына.

Я остаюсь в надежде, что Ирочка когда-нибудь прилетит в Ригу, или хотя бы позвонит и скажет:

– Мой сынуля напоминает о тебе. Но звонка как мне было, так и нет, и, наверное, не будет – изменился номер моего телефона.

Плацкартное купе

Первые три года жизни Славы прошли в предвоенном пригороде Ленинграда, следующие четыре года войны в захваченной немцами Прибалтике. Из рижского концлагеря весной 1944 года был загружен в эшелон для отправки в сторону Германии, видимо, по плану истребления славян. С матерью они бежали, были приняты в эшелон власовцев, которые выгрузили их в латвийском селе. Так и живет в Латвии, но душой и мышлением определяет себя русским. За свой Вифлеем рождения считает деревню Черновку, где прошло детство матери, и где прожил один-то год, откуда в кирзовых сапогах или в валенках и ватнике зимой отходил один год на левый берег Волги в школу, что вблизи откоса плотины электростанции, построенной пленными немцами в сорок пятом. Несомненно, и родители, и место рождения, и первые детские годы, и русская школа в Латвии, и многократные наезды в Россию по служебным делам уже специалистом, и к родным на Волге дали Славе осознавать себя русским и России родиной. Причину душевных терзаний по разным поводам ищет в оторванности от Родины, в тоске по ней, а не в седении, старении, жизни проходящей – пропащей, когда ни влюбиться, ни очароваться, когда не тянет подойти, спросить телефон, а получив номер не собраться со звонком, когда одноклассники старше тебя, а от вида сверстниц щемит сердце жалостью, и себя уж в пору жалеть, за упокой свечей пучок ставится, мать в могиле и любимых и любивших там уже несколько.

Не знает никого, кто истязал бы себя десятилетиями тренировками с железом, кроссами, купаньями, лыжами и коньками, православными молитвами, медитацией и самосовершенствованием по китайскому Фанлунгуну. Но некий дар божий позволяет Славе сохранить и внешний вид без многих признаков старости, и внутренне светлое состояние, и физическую кондицию с талией и мышцами иссушенного Геракла. Испытанию судьбы он подвергся в тридцать три года. Болезнью был приведен к почти последней жизненной черте – сила кистевого сжатия – ноль, ходьба – только держась за стенку. Но дал бог силу духа и разум преодолеть недуг. Искал и нашел путь к исцелению и продолжению жизни.

Не из-за замедления ли метаболизма он отстал от сверстников в старении? В пути к всех ждущему финалу сверстники обгоняют его. Они уже отцы и деды, а он все еще молодой человек, хоть и сам имеет дочь и внучек. Они в профессиях ходят по проторенным колеям и не сдвигаемы с них. Перестройка, а с нею крах их заводов и бюро, повергла их в беду с гордым лозунгом “Я инженер, я механик, я конструктор – на том стоял, и стоять буду”. И гибли как цапли без пищи на иссохшем болоте. Но не перелетали на другое. Профессии не изменили. А Слава, дважды сменив профессию, сумел как в русской пословице, быть “и швец, и жнец, и на дуде игрец”.

Сверстники несут потери шевелюрой, сединой, обвислостью ушей и щек, наплывами зоба, расползанием талии, какой-то взбитостью бедер и волочильностью походки. Предчувствуя свою обреченность, и видя его в завидном состоянии, отвергли его, защищаясь – изгинь не наш, уйди чужой. Он стал чужд им, ведь между ними чуть ли не разрыв во многие года. Различия в физической кондиции дали трещину в отношениях, а его тяга к освоению нового, изрядная деловая гибкость расширили ее до размеров ущелья. Статус молодых тоже отвергает его молодость – их молодость моложе его. Состояние по Лермонтову: „...ужасно стариком быть без седин... он меж людьми ни раб, не властелин, и все, что чувствует, он чувствует один”.

Как ему силы духа добавить, чтобы укрепиться в одиночестве, как не к земле ли родной припасть приемом сказочным? И вот решение, и конец перенесения себя в разные места то в Риге, то в Латвии, то в российские города. Цель и надежда – одна изба в деревеньке, что в Ярославской области. К вечеру он в плацкартном купе, утром следующего дня – в Москве.

Выйдя из вагона, ощутил, как родина и Москва начинают наполнять его русским, вытесняя невольно ассимилированную латышскость, входят и поселяется в нем. Он полон энергией, стал активным, появилась готовность к делу, к новому, готовность говорить и с незнакомыми людьми, шутить, улыбаться встречному, светлеет взгляд, расцветает душа. И это бывало многократно, в каждый приезд его в Москву. И в любое время года происходит по весеннему обновление русским. Кажется, что отлетают Латвия с Ригой, становятся все меньше и меньше и уходят воспоминания о них. Он только русский, и есть одна, только русская и родная земля.

На выходе с перрона в город встречен однокашником Романом. Слава заметил его изда-лека. Потучнел, голова в шапке седых волос, усы тоже седые. Но брови черны. Обрадовались, обнялись, отстранились и смотрят друг на друга, улыбаясь. Слава переводит взгляд то на голову, то на всего Романа. Видит седые волосы и черные, не поседевшие брови. –Брови не стареют,– подумал.– И душа не стареет. Не иначе, у Романа душа в бровях, – решил, улыбаясь себе Слава. У другого душа старится и речь это выдает. На вид еще крепок, а стонет:

– Мы уже не молоды, в наши годы пора себя осаживать, ведь уже не 28. –Этот стон – его гимн и поднятые руки – сдаюсь, мол.

Сели в романовские белые „Жигули“. Белый цвет он выбрал в память о цвете квартиры его тети Моти. Она была ему за мать, любила его, и он ее также любил и ценил. Один раз Слава побывал с Романом в квартире тети. Квартира на темно-серой улице в липах, в доме со стенами, полюбившимися всяким грибок и мхам, начиналась неожиданно белой добротной парадной дверью. В прихожей прямо, налево и направо – тоже веселые белые двери. А радостно встречающая тетя – милая, улыбающаяся, источающая добро – к сожалению, с белыми седыми волосами, аккуратно разделенными пробором. Из кухни разносится запах котлет, чеснока и лука. Любовь Романа к тете Моте подпитывалась и кухонными ее произведениями, которые в студенческую пору всегда ценились очень высоко молодым желудком. Почив, тетя Мотя в последний раз обладала племянника, светлая ей память, завещав ему сумму, которую он превратил в эти белые “Жигули” и они несли нас теперь по Москве.

Впервые Слава ехал по Москве в “Жигулях” Романа и радовался его счастью – настолько недоступными были они все годы. Был несколько ошарашен быстротой открывавшихся и быстро исчезающих видов улицы Горького, теснящими нас стадами машин. Роман же решительно, темпераментно и зло давил на педаль газа, с презрением к окружению его личного автомобиля. К тому же, он не переставал беседовать с седоком.

– Посмотри сюда, – кивает на левый угол ветрового стекла.

– Узнаешь, вспоминаешь?

На ветровом стекле, за уплотнительную резинку воткнут побелевший высохший усатый колосок ржи. Некоторые гнездышки уже без зерен, обмолоченные рытвинами и ухабами московских дорог.

– Помнишь, по дороге к Модрису выходили в ржаное поле?

– Надо же, уцелел!

– Столько времени прошло, сколько тысяч километров проехал, а колосок все цел и почти невредим!

Славу удивило неожиданно трепетное отношение Романа к колоску. Роман – городской житель, родился в асфальтированном городе. Детство, школьные и зрелые годы провел в нем же, на асфальте. В деревне был только один месяц, в студенческие годы, осенью. Деревней, землей, картофельными и хлебными полями для него был песок пляжа Рижского взморья, на котором ничто не растет. Одни тела лежащие, ходящие, сидящие. А зелень, цветочки, колоски и травка только на купальниках. Правда, иногда можно увидеть огурцы и колосья пшеницы, но огурцы, доставаемые из банок, под колоски с этикетки “Пшеничная”. Прожитые годы возвращают мысли и душу к истокам. И сквозь асфальт пробивается то травка, то побег тополя,

а то и колосок – и задевается что-то в душе. Друзья отвернулись от колоска и вспомнили, как добирались до него и их однокашника Модриса, вернувшегося к сельским истокам.

* * *

Конец июля. Стоит сухая, жаркая и ясная погода. Шоссе уводит нас в “Жигулях” из Риги через мост через озеро на Восток Латвии. В глаза бьет утреннее солнце. На обочине голосующие девушки и юноши. Стоит одна, подняла робко и безнадежно руку. Ей повезло – остановились, взяли. Латышечка, студентка университета хочет домой, в деревню, к маме и папе. Деревня за 150 км, но в нашем направлении. Куда же мы едем?

Цель наша – добраться до Модриса, который давно исчез из нашего поля зрения. Едем к селению Ранка, которое обозначено на простой карте Латвии, а дальше – искать хутор, в котором скрылся, а по нашему высокому столичному мнению почти ушел от жизни Модрис.

Десять лет тому назад, в год 25-летия окончания института, собрались группой около двенадцати человек на яхте у нашего однокашника Гарика отметить эту дату. Роман по этому случаю отлучился из Москвы, где утверждался в литературно-драматургических делах, имел некоторый успех, о котором не знала наша группа, и о котором Роману конечно же очень хотелось донести до однокашников. Они – то только и помнили, что он не доучился, был отчислен из нашей группы за оправданную выходку перед наглым преподавателем. Последствием стал призыв в армию, три года службы, и только по ее завершении Роман продолжил обучение и стал с опозданием инженером. В институтские, как и в школьные годы, обзаводимся мы знакомствами и друзьями на долгие годы. Поэтому он тянулся к своей первой студенческой группе, да и мы принимали его без оговорок за своего. Был и невесть откуда появившийся Модрис. Как не весть? Доложил – из деревни. Оставил инженерную работу на секретном военном заводе, выпускавшем алюминиевые ложки, котелки и складные кровати. Теперь бригадир полеводческой бригады в колхозе “Свободный пахарь” (Brivais arais – по латышски). Модрис среднего роста, коренаст, крепок, скуласт, лицо плотно обтянуто кожей без жировых одутловатостей, шевелюра богатая – светлая, чуть с пшеничной желтизной. Облик типичного прибалта или белокурого немца из фильмов о войне, только не продолговат, а коренаст. Мы, городские инженеры, а трое уже и при степени к.т.н., обступили Модриса, рассматривали его как экспонат, расспрашивали о деревенской его жизни, дивились, ахали. Мы шли по Рижскому заливу и были уже на траверзе устья реки и станции Лиелупе. Вернуться предстояло к причалу в Болдерае. И тут Модрис попросил Гарика причалить в Лиелупе, т.к. ему сегодня нужно вернуться в деревню, чтобы завтра вывести бригаду на покос. Путь далекий, многочасовой, поспеть бы к последнему автобусу. Гарик поставил однокашников на паруса и направил яхту к Лиелупе. Приближаемся к деревянной пристани. Яхта большая, морская, ходившая и по Атлантике. Гарик понимает, что команда на парусах не сработала должным образом, замешкалась на каком-то галсе, и яхта промахивается – не сможет причалить, а пройдет в полутара – двух метрах от него. Предстоит новый долгий маневр. Модрис просит Гарика:

– Капитан, я выпрыгну.– Все заволновались, не советовали прыгать. Есть риск – можно оказаться прижатым и помятым между бортом яхты и бетонной стенкой причала. Но Модрис отчаянно прыгнул, и удачно – попал на причал. Яхта все же чиркнула кормой по причалу. Помахали ему с борта, он – с причала, поспешая, на ходу. Городские подивились такой его поспешности, что не мог промедлить даже дня и помчался в деревню. Как им было понять, что покос и сено явления сезонные, сугубо подчиненные погоде, от качества сена зависят и надои колхозного стада. Модрис успел дать Слава свой адрес и телефон соседнего хутора.

За день до выезда к Модрису Роман решил навестить своего друга – нашего однокашника Сему. Семен бросил институт на третьем курсе и стал работать в бюро информации завода. Время было полуденное, Слава и проголодавшийся уже Роман залетели в гастроном. Роман с

большим размахом и вдохновением набрал необъятное количество гастрономических яств и напитков, которыми заполнили все заднее сиденье “Жигулей”. Выпив животы, обхватывая руками покупки, наваленные под самые подбородки, пыхтя, внесли всю гастрономию в кухню и вывалили на стол. Сема встретил их улыбкой, возгласом “Ооо”, подрыгиваниями из стороны в сторону головой и корпусом, создавая впечатление переломанного Арлекина на пружинках. Так боксеры, разойдясь после наставленья рефери и взаимного приветствия и, отступив друг от друга, переминаются и подергивают руками–ногами, покачивая бедрами, подводя то одно, то другое плечо к подбородку. С такими же странными вздрагиваниями Сема и ходил. Из-за его плеча выглядывало вялое лицо жены. Она слезливо и кисло, чуть скривив улыбкой лицо, выжимая из себя радушие, не открывая рта, прогнусила что-то, должно изображать приветствие и вышла на кухню, оставив джигитов в гостинной.

На яхте, 25 лет окончания РПИ. Слева стоит Влад Зильберман, ниже Гарик Портнов, Ханан Раскин, Наум Брод, Рудольф Суржиков, Коля Летунов, голова Вовы Сорокина, Юра Брамник, Модрис Дузелис

Гости, обменявшись с хозяином новостями, наглядевшись друг на друга, вспомнили, что пора бы и перекусить. В предвкушении копченой лососины Слава и Роман истекали слюной. Вынос из кухни принесенных припасов и выставление их небольшой части на стол затянулся. Слава возроптал:

– Тогда хотя бы чаю, хозяйка. На что та:

– Чай будет к сладкому. – И наставила. – Нужно все делать по порядку. – Слава помрачнел. Роман в защиту семейства друга, улыбаясь:

– Потерпи, здесь тебе не Москва. Здесь орднунг! Слава, не сдаваясь:

– Хозяйка, 1,3 миллиарда китайцев начинают застолье с чаю.

– Здесь тебе не Китай.

В продолжение застолья Роман и Слава так и не дождался выноса из кухни вожаемых копченой лососины, ветчины и икры. Слава, продолжая битву за чай, пошел на кухню, пытался наполнить чайник и получить кипяток, но был ошпарен взглядом хозяйки. Тотчас вылетел из кухни, и ослабленный обезвоживанием организма, затих и сник. Чай к сладкому все же был, но столько с ним было горечи, что пить его было уже просто опасно – вода была заряжена

настроением кухарки. Роман этого не знал и выпил, а Слава знал, что нельзя пить водицы из козлиного копытца, и стерпел.

Случай запомнился и стал наукой на всю жизнь. С тех пор, куда бы Слава ни направлялся – хоть на званое мероприятие, хоть на банкет в ресторане, хоть на похороны с поминками – всегда брал свой термос с чаем. И ни разу он не оказался лишним. Так устроен наш европейский быт в отличие от китайского ритуала. На протяжении шести месяцев пребывания в Китае, чай всегда встречал Славу первым и не сходил никогда со стола ни в вагоне поезда, ни в забегаловке Пекина, Сианя, Лоаяна или Хухота, ни в гостинице или ресторане. Появлялся всегда с поклоном, улыбкой, ласково и приветливо.

Шоссе хорошее, машины встречаются редко, еще реже обгоняют. Пассажирка тихо сидит на заднем сиденье, явно стараясь не обращать на себя внимание. Думаем, что наверно боится, чего бы ни сотворили с нею эти странные говорящие на русском языке люди. Слава предложил чаю из термоса – отказалась. – Спасибо, – прошептала. Слева на возвышении у шоссе открылся вид на бревенчатое длинное здание придорожного ресторана. На воздухе столы и скамьи. Решили выпить кофе. Предложили Лайме – согласилась. Тронулись и вскоре ее поворот – вышла, помахала рукой и пошла проселком к своей деревеньке. Слава глядел вслед, но так и не увидел чего-то такого, что заставило бы разыграться воображению. Тишина на заднем сиденье стала понятней.

Договорились еще в Риге завернуть в село, где Слава в детстве жил. И вот они в Друсти. Слава с волнением вглядывается в знакомые места. Вот озеро, казавшееся прежде очень большим. На берегу белеет двухэтажная школа, в которую заходил тогда летом, где увидел клетку с птицами, клетку с мышами, вдохнул какой-то необыкновенно приятный запах широких школьных коридоров. Потом узнал, что так пахнет мастика. У озера дом, где жили цыгане, с которыми он играл, боролся и дрался. Вспомнилась сестра одного из них – Зига, наверно восемнадцати лет, городская, из Цесиса, соблазнявшая пятиклассника. Увидел длинный дом, похожий на амбар, над дорогой, в центре селенья. Это был клуб. Смотрел в нем кинофильмы, сидя почти рядом со стрекочущим кинопроектором, видя, как киномеханик снимает катушки с пленкой, ставит новые и тогда – сначала мелькание непонятных знаков, белых пятиконечных звезд, стрекот, а затем продолжение. Цена билета всегда была одинаковой – 20 копеек. В этом же клубе, согласно далеко заранее вывешенному объявлению “15 июня 1952 г. состоится БАЛ. Играет духовой оркестр. Начало в 7 часов вечера”. Стесняясь, жался с другими детьми у входа.

Заглянули в сельский магазин, взяли водки и закусок и подъехали к одноэтажному, на две семьи домику, стоящему через канаву от грунтовой дороги с камушками и песком. Вошли в маленькую прихожую – сенцы и увидели очень маленьких ростом Ваню и Шуру Чухаревых. Увидев Славу, Шура и Ваня радостно вскрикнули:

– Слава, неужели это ты, приехал, слава богу. С другом? Заходите! Ведь не видели тебя лет двадцать пять! – Прошли в маленькую низкую гостиную с двумя окнами и столом, накрытым плюшевой скатертью. На подоконниках горшки с цветами герани. Шура быстро приготовила обед с простой закуской со своего огорода и уже малосольными огурцами. И Ваня, и Шура одинаково внимательно и ласково обращались к Славе и Роману, просили добавить супа, положить еще и еще кусочек мяса, попробовать яблочки, киселя. Слава смотрел на Ваню и Шуру с мыслью:

– Ведь они знали, видели маму. Видели ее, когда ей было тридцать лет и им по столько же. И вот уже пять лет, как мамы нет. – Потом, в машине, Слава заметил Роману:

– Пожалуй, у этих простых сельчан душа-то добрее, чем у твоего городского друга, где не докушали недавно.

– Это все жена виновата. Он был другим в студенческие годы. А ее, возможно, закислила жизнь без детей, которых завести уже и поздно и невозможно. – Ну, что ж, есть объяснение – почему чаю было не добиться.

Ориентируясь по карте, приехали в село Ранка, остановили проходившую женщину, спросили, как найти Модриса. Оказалась, что она с ним знакома, знает и жену, которая работает с нею на молокозаводе. Указала направление на хутор Модриса.

Подъезжаем, упираемся в деревянное крыльцо, глушим мотор, но не выходим из машины, ждем. Выскакивает на крыльцо босой карапуз трех–четырёх лет. Стоим. Не выходим. Долгая пауза. В доме не наблюдается заметного движения. Появляется на крыльце Модрис. Смотрит пристально на машину, пытаюсь, видимо разглядеть – кто же в ней. Но скорее всего угол наклона ветрового стекла не позволяет разглядеть – кто же внутри. Роман и Слава переглядываются – как-то неловко так замирать. Роман:

– Выхожу. Выходит. Модрис смотрит на него и зло, с угрозой в голосе спрашивает:

– Что нужно? Роман смотрит на него и молчит. Слава не выдерживает, тоже выходит из машины. Модрис:

– Слава, ты, здравствуй. Слава. – Слава, подходя к Модрису и пожимая тому руку:

– Можно представить тебе моего товарища?

– Представь.

– Роман, твой однокашник. Модрис, взглядываясь в Роман,:

– Роман, неужели это ты. Не узнать. Так изменился. – Зовет нас в дом, знакомит с женой и своим карапузом. Пока жена собирает на стол, он рассказывает свою историю.

Получил в наследство от деда, на основе закона о реституции, этот хутор–дом, хлев, хозяйственные постройки, 70 га леса и полей, часть реки Гауи. Повел нас к реке. Показал разрушенную плотину, где у деда была мельница, разрушенная после высылки его, сына–отца Модриса, мамы и самого Модриса в Омскую область в 1946 году. По возвращении из ссылки, Модрис поступил в университет и учился в нашей группе, с четвертого курса – бросил. Работал конструктором на военном заводе, а недавно переехал сюда. Живет пенсией в 90 лет, но в основном – продажей участков леса под вырубку. Собирается на месте плотины построить гидроэлектростанцию и продавать электроэнергию государству. Выгодно, по закону его электроэнергия будет закупаться по цене в три раза выше городского тарифа на электроэнергию.

Вернулись в дом. Обедали, выпивали, вспоминали. Слава с сожалением чувствовал отчужденность между всеми троими. Каждый жил давно другой жизнью, отличной от той, в которой их свела учеба в университете. Модрис сдал физически и здоровьем, часто закашливался, не по–деревенски был несвеж на лицо. В комнате стояло белое пианино, и Слава попросил Модриса сыграть что-нибудь. Модрис заиграл “Очи черные”, все трое запели. Звучание любимой песни тех времен, теперешний вид пианиста, вызвали в Славе щемящую душу жалость к себе и остальным. Подступали слезы, горло сдавливала спазма. Да и звучание было подстать дребезжавшему как клавесин пианино – дрожащим и плачущим, не таким, какой эта песня звучала в студенческие годы. Видно было, Романа мелодия тронула. Он вперил отсутствующий взгляд в стол и замер. И когда, закончив играть, продолжился разговор и Модрис предложил заночевать у него, Роман торопливо и решительно отказался:

– Нет, нет. Скорей в Москву. –Показалось, что мелодия еще не отпустила его душу, и хотелось защиты от вызванных ею нелегких чувств и размышлений. А где спастись – в родном доме и, может быть у близкого человека. Конечно, он был у него в Москве. Слава же напротив готов был отправиться в далекий магазин за понравившимся коньяком и продолжить компанию у пианино. Уговаривал Романа остаться, но возница не внял седоку. Простились. Домчались до Резекне, заночевали в гостинице и солнечным утром Слава, стоя один на платформе вокзала, увидел на виадукe профиль белых “Жигулей” Романа, носом к Москве.

К наступающему 2003 году Слава послал Модрису новогоднюю поздравительную открытку. Не получив ответной, позвонил ему весной, и услышал от него:

– Слава, ты так здорово написал поздравление. Написал как литературное послание. У тебя писательский талант. Поведал, что электростанция на паях была построена, и он уже про-

дал свою долю. Живет по–прежнему. Колосок тоже побывал у Модриса, все видел и слышал, а потом больше года слушал горячие речи хозяина “Жигулей” по телефону с другими седоками.

* * *

Вывернув из автомобильных стад, лавируя по тихим переулкам над громадным оврагом Юга Москвы, примчались к его дому–башне. Дорогой со смехом вспоминали историю последней встречи в Риге и поездку в деревню, к Модрису. Роман:

– Слава, да ты совсем не меняешься. Где твоя седина? Пора бы. Или красишься?

– Нет, что ты. Просто регулярно вырезаю подлых беляков. А ты, Роман что-то совсем засиял белизной. Снова Модрис тебя не узнает. – Смеются оба.

Подъехали к бесконечно высокому дому, стоявшему в дуге таких же, а вместе, образовавших неприступную стену, у подножья которой также дугой, обрамляющей парадные стороны домов, горбились алюминиевые ракушки гаражей на одну машину. Роман привычно поднял ставню ракушки, вогнал в ее пасть свои “Жигули”, с шумом опустил и навесил амбарный замок.

Поднялись на двенадцатый этаж. С высоты из окна открывается вид на громадную поляну среди башен–домов, исчерченную тропинками, с фигурками людей, островками кустов, со старомосковской окраинной латаной – перелатанной досками и фанерой двухэтажной голубятней. Любуясь видом, Слава мысленно поблагодарил московского мэра и правительство, что не застроили и эти полянные гектары такими же башнями. Зимой, как и в бывшей на этом месте деревне, на поляне наверно раздольно мамочкам и детям с санками и лыжами. Снежные пригорки, наверно, выглаживаются их спинами и животами.

Раз–другой выпили, побеседовали, вспомнили о ком-то, о чем-то и Слава уехал в эпицентр своей Родины – Углич и деревню Черновка. Пробыл там неделю и вернулся в Москву, к Роману.

Слава, как и любой человек уже с детства, знал, что такое хорошо, что – плохо, что можно, а что нельзя, что прилично, а что неприлично. Заметил, что действовать, оценивая ими, совсем не просто. Понятия только в среднем наполняются одинаково разными людьми, а в частностях – по разному. Касалось это большого и малого, даже, пожалуй, мелочей. Находил большие расхождения в первых порывах и действиях после раздумий. Огорчался – порывы были лучше. – А к чему это я с такой врезкой о приличиях и ином? Да вот к чему.

Слава и Роман под водку и хорошую закуску беседовали о событиях жизни, о прошлом, о женщинах, делах, подъеме, зависании на месте сегодня и о том, что ждет, горячились. Беседа велась за просторным столом кухни в квартире, куда Роман перебрался, женившись и продав свою однокомнатную, в которой Слава бывал у него прежде. Та выглядела творческой мастерской писателя и драматурга и одновременно походила на сцену. Такой вид ей придавали мебель и утварь – предметы декорации, которые достали после долгого использования после тридцати лет хранения в подвале и разместили на авансцене. Славе казалось, что для пьесы М.Горького “На дне” могли хорошо подойти именно эти предметы. Например, из комнаты – кресло с прорванным и провалившимся сиденьем, выскакивающими пружинами и выпадающей спинкой, из кухни – топчан для ночевки гостя. Беседы Роман по телефону – это уже страстный диалог драматурга с наемным слабым режиссером или бездарным актером. Новая квартира прекрасна, после евроремонта, ухожена. Жена и достаток привнесли в нее много приятного, но Слава почему-то не оставляло чувство сожаления словно об утрате. Интерьер, состояние и жизнь в старой квартире подталкивали к творчеству без оглядки на нужду поддерживать новый стиль жилья, заставляли тиражировать и тиражировать созданное, зарабатывать, не позволяя творить беззаботно, только для пропитания.

Покатили с драматургом к театру, притерлись к сугробу и он с волнением посматривает на входные двери – как идет зритель. Зритель шел то по одному, то парами, то кучками, а вре-

менами текли ручейки, словно в зев метро. Романа это радовало, он, прежде тревожившийся, воспрянул духом, решительно вышел и машины и уже победителем, пока не узнанным, устремился в театр. Слава остался у подъезда, вглядываясь во входящих с неммым вопросом – что за публика идет? Потом вошел в фойе, встретился с Романом, и направились к буфету. Опрокинули по бокалу шампанского за нескончаемый успех спектакля.

Слава сидел в дальнем ряду в заполненном зрителями зале. В пьесе бывший влюбленный, домогаясь ее, ведет беседы с нею в прихожей, перебирая прошлое, пытаясь приблизиться к ней и войти. Но она все „нет” и „нет”. Его усилия были тщетными – до полночи не впускала.

Пьеса направила Славу в воспоминания о своем домогательстве. Ингеборг была девушкой восхитительной красоты. Слава особо восхищали ее темно-голубые глаза с вкраплениями синих точек на роговице – глаза с искринкой. Возможно, что шведская кровь отца, влитая в латвийскую ее матери, дала ей эту восхитительность. Роста была под метр восемьдесят, шатенка, с прекрасным телом. Потрясенные ее красотой и незнакомые люди, обращаясь к Славе, выражали свое восхищение ею. С Ингеборг был он вечером в ресторане. Вышли в холл, она удалась, а Слава остался ожидать ее. К нему подошел незнакомый молодой красиво одетый симпатичный парень и изрек:

– Простите, вы счастливый человек, я завидую вам. У вас такая восхитительная девушка. – То был искренний благородный парень. В нескольких других двух-трех случаях с другими девушками, их у Славы пытались то вырвать, то украсть, то, действуя как в хоккее, оттесняя игрока от шайбы, чуть ли не нападали на него.

С Ингеборг он расстался. А потом незваным гостем пришел к ней домой. Впустила, не в пример пьесе. Сидела небольшая компания – парень с девушкой и еще один. Слава выпил, и разыграли в нем собственнические чувства, да и ревность. Вызвал Ингеборг в другую комнату, встретил сопротивление своим нежностям, она вышла, он остался. Решительно разделся и словно хозяин положения – лег в постель. Лежит, ждет. Ждет, ждет – а ее все нет. Оделся и ушел, неразумный. Зачем обида, огорчение? Ведь сам вызвал огонь на себя и справедливо принят.

Пьеса довольно длинная, наполнена очередями диалогов. Прорывающийся, ее бывший, очень активен, напорист и как-то по спортивному страстен, устремлен толи к ней, толи больше к ночлегу в поздний час. Но она как перегородила собою вход, так и не впускает. В финале звучит красивая мелодия, брезжит надежда. Слава загнипнотизирован полумраком и их ночью, утомлен невероятной и, по его мнению, неправдоподобной настойчивостью кавалера. Просыпается. Думает:

– Встреть он такой отбой – повернулся бы и ушел-. Драматургу хотелось иначе, а Славе – смотреть снова „Короля Лира” Шекспира в исполнении театра со многими актерами. Видеть сцену, наполненную декорациями, проникаться трагическим, что видел в театре им. Волкова из Ярославля. Но народу пьеса нравилась, народ дружно аплодировал актерам, вызывая снова и снова, аплодировал и вышедшему автору. Настоящий фурор, что и говорить. Просто Слава другой. Народ прав. Пьеса и написана для народа.

После спектакля Роман с улыбкой снисхождения и понимания, как к старцу:

– Видел, как тебе понравился спектакль. Опять дремал.

– Поверь, спектакль очень понравился. На душе было хорошо. Отдыхал по-настоящему, не спал, а углубился в себя. Спектакль на уровне классического, а я могу служить мерилom классического. В опере “Чио Чио-сан” в Кремлевском дворце съездов я тоже дремал, вкушая классику. Тебя должны признать классиком антрепризы и диалога, поверь!

Итак, в кухне на двенадцатом этаже было очень уютно, спокойно, сытно. Над столом в клетке – большой сине-желто-зеленый попугай. Изредка противно кричит. Он постоянный обитатель кухни. Время от времени появлялся большой, пушистый, мягкий кот Котя, разгуливающий по квартире. Погладить его – большим удовольствием и удача. Окно открыто, но защищено от комаров мелкой почти марлевой сеткой. Кот на подоконнике уткнулся носом в

сетку и вдыхает лето. Глаза горят охотничьим огнем на пролетающих голубей. Подусные подушечки вздуты, усы топорщатся, плотоядно судорожно щелкает зубами. Из пасти стекает слюна в предвкушении наслаждения.

Расставаясь, Роман спросил:

– А скажи, пожалуйста, почему билеты до Риги, ты чем приехал?

– Плацкартой.

—И уезжаешь – тоже, да? Прошу тебя, обещаю, что перейдешь в купейный вагон.

– Зачем?

– Ну, понимаешь.

Прозвучало загадочно с растяжкой и многозначительно. –Обещаю.

Потом и в метро, и в вагоне поезда Слава подумывал – А почему ему нужен был мой переход в купе? Может я допустил какое-то нарушение правил хорошего тона, может, сделал что-то не совсем неприличное, и не повторю ли это вновь, заняв плацкартное место? Роман хотел отвлечь его от этого. А может быть решил, что я проявляю излишнюю экономность, имея средства, чтобы доплатить всего лишь половину к стоимости плацкарты? А не снобизм ли это Романа? Ведь живет в Москве, в новой прекрасной квартире, сочинил несколько антреприз и прокатывает их. Нанимает в них известных актеров России. Платит им больше, чем в их постоянных театрах. Зритель идет на имена. Под занавес выходит автор в белом, раскланивается и вкушает славу. Идет и выручка, теща тщеславиее, гордыню и самомнение. Не опасается ли, что моя плацкарта запылит его блеск в успехе, долетит до слуха избранных, с которыми он водится, что понизит его реноме. Но нет. Скорее, просто желание комфорта старому другу, который недополучит его в плацкарте. Или рассуждения мои от некоей подозрительности?

Пытаясь понять мотив, Слава вспомнил чем-то похожую просьбу, исходившую от знакомой официантки. Два десятилетия работы на ногах, вздутые вены, согнутая спина. Заработала на обчетах и чаевых некоторую сумму. В первые годы перестройки пополнила ее барышом на самогонварении. Потом вложила капитал в игорный бизнес.

На званый ужин в ресторане старой Риги Слава шуточки ради нацепил на пиджак несколько наград – орденов и медалей, и предстал во всем орденосном сиянии.

Официантка с бриллиантовым кольцом и серьгами была ослеплена блеском наград, решила, что он превзошел ее сиянье и метнув в его сторону серьезный строгий взгляд прошипела тихо:

– Сними сейчас же, не позорь нас. –И снова без аргументов, но со знакомой интонацией того “перейди в купе”. Упрямый Слава снова не исполнил просьбы. В орденах и медалях был принят именинником и другими гостями с пониманием розыгрыша. Доложил в тосте со всеми подробностями, и даже театрально представил в немецких лицах, словах, выражениях – как и при каких обстоятельствах, совершал подвиги в ВОВ. Зачитал по памяти наградные приказы Верховного и стал де факто чуть ли не героем вечера. Аплодисменты и смех были совершенно искренними и как бы наградой Славе за его спектакль. Монолог был заснят на видеокамеру подружкой именинника. Но их дружба распалась, кассету она оставила себе и ни за что не отдает имениннику, а Славе не увидеть себя тех лет, когда он был под обстрелом менторского огня то драматурга, то официантки.

* * *

Пошатываясь после прощального застолья с однокашником и от тяжести китайской сумки с дарами из тетушкиного огорода, Слава выбежал из метро. Снова бегом под ливнем через шоссе и тополевыи сквер, промокнувший и запыхавшийся, занял свое место в плацкартном купе, поезд тронулся. Можно и оглядеться – кто соседи? Оказались три женщины. Рядом с ним блондинка лет двадцати восьми лет, в очках, подтянутая, строгое лицо, напротив –карео-

кая невысокая женщина около тридцати пяти лет, гладко причесаная, волосы завязаны узлом сзади, в кожанке, рядом с нею – у окна расплылась дама сорока – сорока пяти лет с носиком картошкой, вызывающая расположение к себе. На боковом месте – дама лет сорока с бесстрастным выражением на лице, серыми бесцветными глазами, высокая, худая, без единого следа боевой раскраски ни на губах, ни на глазах, с пучком волос на макушке, перехваченных резинкой. Каковы? Ни малейших признаков очарования. Все они моложе его, но уже прожили былую девичью привлекательность. Слава заскучал и припомнил просьбу однокашника перейти в купейный вагон. Может и вправду перейти? В проходе, возле кареокой дамы стоят две сумки, почти полметра в высоту, издающие непонятный запах. Дама своим видом показывает озабоченность в их размещении, крутя головой. Слава предложил помочь – поставить сумки на верхнюю боковую полку, над дамой с пучком волос на макушке. С трудом поднял. Оказались довольно тяжелыми, под тридцать килограммов. Понял, что в них соленый чеснок.

Поезд трогается, вдруг дама с бокового места вскрикнула:

– Ой, что это течет! – Дама уже на ногах, а струйки пахучего рассола сливаются на ее бархатное пальто, висящее на алюминиевом крючке, досталось и голове. Кареокая хозяйка товара смущена, извиняется, обе смахивают рассол с пальто, хозяйка оправдывается и успокаивает.

– Под дождем стояли, это рассол. Высохнет, и потом даже пахнуть перестанете. Чеснок не мой, я его просто перевожу на рижский базар.

На полке стоит еще одна ее сумка, а в соседнем купе, как потом оказалось, еще две пребывают. Слава прикинул вес и восхитился грузоподъемностью кареокой дамы.

Облитая дама оказалась гражданкой католической Литвы, хорошо говорившая по-русски и добиравшаяся домой через Ригу кружным путем из-за визовой проблемы на Белорусско-Литовской границе. Кляла границы, а в связи с их появлением – даже распад Союза.

Слава пытался завести разговор с молодой блондинкой, справа, по поводу изучаемой ею книжки “Метастабильные слова в русском языке”. Всплыли в памяти из курса металловедения метастабильные – переходные состояния при охлаждении и образовании сплавов металлов. Высказал предположение и угадал – слова с двойным смыслом, двусмысленности. Припомнил гусарский анекдот про даму, гуляющую с гусаром и предложившую ему, не подозревая, как грубы эти гусары, играть в двусмысленности, засиял внутри. Но сдержался – не рассказал. Дама оказалась студенткой русского частного вуза в Риге, замужем, двое детей. Обоняние привлек запах ее духов. Поинтересовался маркой. Назвала, звучит, похоже, как Сергей Точилин. Запах источала тонкий, не как в рассказе Бунина, где „от нее пахло духами как от собаки”. Но как судить о тонкости аромата в купе, где все надушено девяносто килограммами соленого чеснока? Подумал, что вместе это пахло почти как у Бунина.

Беседы, а на них он очень надеялся, не пошли, общий добродушный дорожный разговор не завязался. Атмосфера была какой-то не той. Не пахло ни гарью железной дороги, ни туалетом, ни огурцами с колбасой и крутыми вареными с яйцами, ни чайной заваркой. Атмосфера была спертой, смешанной из запахов чеснока, обиды облитой рассолом дамы, ее проклятий про себя и запахом духов Sergio Tossini от моей соседки. Осталось дожидаться сна на своей верхней полке. Остальное население тоже тихо отошло ко сну.

Проснулся, лежит, смотрит на мельканье редкого придорожного лесочка. Он то расступается вдруг и открывает пустые поля, то снова задерживает вид, предлагая мельканье столбов, непрерывные подъем к чашечкам изоляторов набегающих проводов, потом плавное опускание. Слышит речитатив, похожий на молитву. Это дама из литовской заграницы подседа в их купе, и ведет монолог на тему “Трехи русской православной церкви и ее паствы”.

– Что за церковь – проповеди на непонятном, а у них, католиков, – на родном языке. Женщины русские прикрывают головы платками – потому как стригутся, тогда как следует прикрывать волосами; о первой крови дев, попы воруют свечки и продают, попы живут в грехе

и т.д. –А через слово – Бог, Библия, читать, в ней все, все сказано, но не читают. А наши слушают молча, терпеливо. Не перебивают под бешеным напором иноверки.

В Славе вскипает возмущение, не поддающееся классификации по причинам. Терпит, вспоминает библейское “не убий”, сдерживается, но, не выдержав, начинает осаживать кликушу во всю ивановскую. Защитил православие и, как ангел с небес, спустился вниз, ожидая укоров наших же, которые по правилам российской толпы должны были восстать на защиту обиженной им. Однако, удивлен был чрезвычайно. Напротив, теперь был принят в купейное общество с вниманием и даже некоторым почтением. И пошла никчемная беседа на вольные темы, но не затрагивавшая происшествия. Литовская же сторона отвернулась от русской лицом к окну, словно копируя свою “высокую государственную” сторону и европейскую манеру отношения к большому соседу.

Вскоре приехали к границе. Доброго утра всем желали корректные, бесстрастные и подтянутые российские пограничники. Смотрели в паспорта, потом – в секретные записные книжечки, видимо, с именами врагов закона и России. Потом пришли две девушки – таможенницы, бегло осмотрели купе и удалились. Багаж их совсем не интересовал.

И вот появились наши латвийские пограничники. Упитанные, полноватые, бесцветные и бесформенные. Форма сидела на них как не по ним, мешковато. Таможенники ввалились похожей парой. Сразу увидели две сумки.

– Что там?

– Чеснок, – ответила хозяйка.

– Чей?

– Мой.

—Забирайте и выходите. –Сказали и прошли дальше. Кареюкая хозяйка, растерянно оглядывая пассажиров, удивленно пожимая плечами, с ничего не понимающим видом, невинно моргая глазами с подготовленными к встрече подчеркнутыми ресницами, молчала. Потом обратилась с общим вопросом, будто к себе или ко всем в купе:

– Что же мне теперь делать? –И тут купе ожило. Недавно советских людей попросили посоветовать. Что же – пожалуйста, сколько угодно насоветуем.

Вызывающая расположение дама, из последовавших потом рассказов оказалась опытной контрабандисткой (она девять лет возила из Индонезии в Москву и Ригу змей на продажу) посоветовала:

– Дайте таможеннику 100–200 рублей, и он отстанет. – Славу удивил вид валюты и сумма. Латышу и рубли, и так мало? Но расчет был на бедность дающей и отсутствие других валют, что могло дать эффект.

Хозяйка чеснока ушла, вернулась смущенной.

– Не взял. Спросил латвийские деньги. – Стали собирать с миру по нитке. Слава дал пять лат, в обмен, получив 300 р., советчица – тоже пятерку. Снабдили. Надавали советов по психологическому воздействию, рассчитанных на смягчение души мздоимца.

– Стони, смотри в глаза жалостливо, пусти слезу, мол, много детей, жить не на что, одна, муж бросил. Ну, с Богом, чуть не перекрестили. –А за всем этим краем глаза наблюдает дама из Литвы. Все видит и в пол–уха слышит русский стговор, обращение к богу всеу. Что же она подумала о них, о Славе, который недавно так страстно защищал православие? Наверно, не лестное пришло ей на ум. Но знай наших, несчастная сектантка!

Приходит прежний “неподкупный” таможенник. Бросает на столик перед хозяйкой анкету.

– Заполняйте. Вы везете товарную партию, и придется оплатить ввозную пошлину. – Повеяло опасностью. Соседки наперебой отсоветовали оставлять следы чеснока на бумаге. Затихли, каждый в своих мыслях. А поскольку приключилось не с ним – то и с большим интересом ожидали дальнейшего развития событий.

Слава полушутя, чтобы убавить напряженность ожидания и в утешение контрабандистки, заметил:

– Не стоит волноваться, сейчас поезд тронется, а таможенник не успеет прийти. Стоим уже долго, разве задержат поезд из-за чеснока.– Многоопытная контрабандистка всяких гадов напрочь отвергла эту версию, сказав страстно, с большим вдохновением:

– Никогда тому не бывать, чтобы таможенник не взял, что ему положено, а тем более, что уже обещано! –Однако поезд трогается. Таможенника нет. На карие глазоньки контрабандистки наворачиваются крупные, чистые, праведные и, несомненно, искренние слезаньки счастья. Стекают по щекам, оставляя темные следы, как напоминание о нечистом деле с чесноком. С разгоном поезда от вагонной болтанки ручейки оставляют виляющие следы и размазываются руками женщины. Плацкартные соседи искренне рады за нее. Дама с пучком еще с большим отворотом и старанием смотрит в окно, пофыркивает, вздергивая плечами, давая понять, что ее веру вся эта история, и в особенности преступный сговор соседок, возмущают.

Кареюкая затевает обратную конвертацию, раздавая латы и доллары, и принимая свои рубли. Приглашает все плацкартное купе на Рижский центральный рынок отведать соленого чеснока в овощном павильоне. Который месяц Слава собирается заглянуть на рынок, да все недосуг. Задумывается иногда:

– А послушал бы Романа и перешел бы в купейный вагон? Сколько событий пропустил бы. Не познакомился бы с контрабандистками чеснока и гадов, с ловцами контрабандистов – таможенниками, с валютными операциями, с религиозной фанаткой, не узнал бы себя лучше и не открыл бы в себе приверженца православия. Ну, прямо второй университет – это плацкартное купе!

Женя

О чудесах узнаешь из сказок. Рассказывают их мама или бабушка, реже – отец. Потом сам читаешь сказки с чудесами. Появляются то чудеса превращения лягушки в прекрасную царевну, то чудо ковра-самолета, то летящего Конька-Горбунка, то Кота, что ходит по цепи кругом. А после, “потом”, до последних наверно дней мечтаешь, ищешь, встречаешь, видишь чудо – красивую девочку или девушку. Увидев, чуть ли не столбенеешь потрясенный, робеешь, склоняешься мысленно перед ней, наделяя ее всяческими достоинствами и провожая долгим взглядом. И идет о ней молва, и хочется видеть это чудо – красавицу снова и снова. Женя, Женя, Женя. До сих пор она ярко стоит в моей памяти. Из многих восхитительных ее определений хочется дать одно, объединяющее – черный бриллиант. Оправой его была плиссированная юбка серой шерсти или также плиссированная в красную клеточку, обтягивающий тугие большие груди тонкий серый шерстяной свитер и черные туфли на высоком каблуке. Походка вызывающе стреляющая, чуть враскачку. Губы круглые, алые и словно надутые. И еще – она их чуть-чуть распускала. Нос – небольшой, с хищно раздуваемыми крыльями. Глаза – черные солнца. Пухлые, с гладкой нежной кожей щеки. Чашечки колен круглые, с припухлостями. Нужно добавить, что юбки были всегда короткие, открывали колени и разлетались при ходьбе, задираемые выпуклыми бочками. Лицом зимой и летом была смугла, кожа чистейшая и гладкая. Носила золотые кольцо на пальчике, цепочку на шее. Кожа всегда была на ощупь прохладна. Ни в какую жару, ни испаринки ни на лбу, ни на лице. Голос низкий, грудной, игривый, манящий. Всегда была с улыбкой с выдумкой, привлекающей к себе внимание. Что-то она нашла и во мне – любила легко, весело, смеясь. Обо мне и говорить нечего – любил, мечтал о ней и стремился к ней всегда. Она, единственная из всех, подарила мне свою фотографию, написав „ Самому дорогому человечку на земле от Бобы. Рига 1963 г.” Назвал ее этим именем, и она охотно приняла его. Было еще одно – Каце. Оба нам нравились, очень ей подходили и использовались только не прилюдно. Фотографию я получил в кафе „Лира”, в котором побывал студентом – первокурсником на Новый 1957 год. Вспоминая и перефразируя строчку из Маяковского – Нам остались от старого мира кафе “Луна”, “Зелта руденс” и “Лира” – в Риге, на ул. Дзирнаву. Кафе „Лира”, с гардеробом в подвальном этаже и залом на первом. Зал разделен на танцевальную часть с несколькими столами. К ней примыкала кабинетная часть, открытая к танцевальной, с бархатными шторами, подвязанными плетеными шнурами с кистями. Шнуры можно было развязать, и кабинет оказывался интимно изолированным. Кабинок было четыре. В них – стол и два мягких дивана, на четырех человек. Потеснившись и добавив два стула, могли расположиться еще четверо. Пол танцевальной части подсвечивался снизу сквозь стекло с разноцветным узором в виде ромашки. Сидя в “Лире” в ожидании Жени, вспоминал первый визит в нее, новогодний банкет и Бэлу.

Женя

* * *

В июле 1956 г. сдал вступительные экзамены на дневное отделение механического факультета университета. В ожидании „зачислят – не зачислят? Обошел ли пятерых в конкурсе на одно место? – провел неделю в селе Друсти с одноклассником Игорем, поступавшим на строительный факультет. Остановились у хозяйки дома, в котором до переезда в Ригу, жили я с мамой, ее близким и моим другом Александром Ивановичем Петровым, служившим оперуполномоченным в этом селе.

Я с мамой Александрой Ивановной, переехали в Друсти в связи со служебным переводом Александра Ивановича из Лизумса. Селение располагалось рядом с большим озером, на берегу которого белело двухэтажное здание латышской школы. С Александром Ивановичем мама сошлась в первый год по окончании войны, в Лизумсе, где Александр Иванович, родом из Омской области, село Токмак, окончил войну. Был круглолицый, с вьющимися русыми волосами и чубом, вылезавшим из-под фуражки, с синим верхом и розовым околышем со звездой. Лицо – в оспенных рябинках. Характером был жизнерадостный и веселый, улыбчивый. Ездил чаще верхом, изредка в бричке. Александр Иванович хотел, чтобы я называл его „папа”. И мама очень просила о том же. Но я упрямо отказывался, хотя отца Ивана Ивановича не помнил. Во второй год моей жизни он ушел на Финскую войну, вернулся раненым, вылечился, а в 1941 – был призван на Отечественную и погиб без вести. Мама рассказывала мне о нем,

показывала его фотографии. Только его и считал своим отцом. Но Александр Иванович на мое противление не обижался. Подсмеивался:

— Упрямый ты мальчик. Это хорошо для жизни. Идя однажды вдоль озера к месту купанья, он вдруг обернулся, посмотрел на меня пристально и, смеясь, сказал:

– Скажу я тебе на будущее – будешь носить галстук обязательно. – Почему это вдруг, с чего это он о галстуке заговорил? До сих пор задумываюсь. – Но галстук и вправду носил многие годы. Нравлюсь себе и кажусь красивым обязательно при галстуке.

Александр Иванович на лихом коне

В Лизумсе наша квартира занимала второй этаж двухэтажного деревянного дома, оштукатуренного снаружи и покрашенного в светлый тон. К дому примыкал сад с огородом. Был хлев с тремя коровами. Со всем хозяйством было много заботы, которые занимали маму и Александра Ивановича.

Александр Ивановичу и его “ястребкам” – помощникам приходилось периодически вести бои с латышскими „лесными братьями”, которых он считал бандитами. Один из “ястребков”, Вася Петров был сражен ими автоматной очередью, когда ехал на велосипеде по лесной дороге. Иногда приходилось осаждать сарай или землянку в лесу, а то и хутор, и вести долгий бой, выкуривая засевших там бандитов. В один поздний летний вечер бандиты навестили и нас. Мама и Александр Иванович поздно вечером сидели в кухне. Окно было распахнуто, горела лампа. В него влетела граната, упала на пол и взорвалась. На счастье взрыв приняла лежавшая рядом овчарка, и люди не пострадали. Я спал в комнате рядом с кухней, но взрыва не услышал и продолжал спать. Утром увидел стены и пол, побитые осколками, мокрое пятно от невысохшей воды, которой мама замыла собачью кровь.

Тенора и Красотка

Александр Иванович, Славочка и мама – доит Бриту

Летом 1945г. в окно второго этажа влетела граната

Школы с русским языком обучения ни в Друсти, ни поблизости не было, и для продолжения обучения в пятом классе мама отвезла меня к сестрам в Ярославскую область, на Волгу, в деревню Черновка под славным городом Углич. Из Черновки один год я ходил за шесть километров в школу, в Углич. Мама покинула Друсти и Александра Ивановича, и уехала в Ригу, куда вернулся и я после года разлуки.

Теперь, с Игорем, в Друсти, после скитаний по берегам озер с удочками, катанья на лодке и многократных купаний, ужинали у хозяйки и отправлялись на ночевку на сеновал чердака сарая во дворе дома. Сенокос месяц как закончился. Сено было набито под крышу, пахло вкусно травами, какими-то цветами и медом клевера. Ложились на простыни и подушки из сена, но к утру оказывались в стороне от простыней, где-то рядом, в сене. Дни ожидания возвращения в Ригу все же тянулись медленно. И вот мы Риге. Встретились с Игорем в университете. В вестибюле с каменным полом, холодном и в жаркое лето, стены увешаны списками зачисленных в университет – уже студентов. Хотя они и были напечатаны на русском, но с трудом разыскал механический факультет и с волнением стал изучать список. Нашел себя – обрадовался. Игорь себя не обнаружил и уныло вышел в летний день после такого холодного приема.

Осенью, в сентябре, всех первокурсников вывозили в деревни, на уборку то картофеля, то свеклы. Нашу студенческую группу разделили на две, примерно по двенадцать человек и в сопровождении двух преподавателей направили в разные колхозы. Руководителем моей подгруппы был преподаватель с кафедры теоретической механики Анатолий Янович Лац. Второй – Владимир Андреевич Гришко, заведующий лабораторией зубчатых передач.

И вот я с группой в поезде, поезд идет на Восток, в сторону Цесиса и знакомых мне Друст.

На стадионе “Динамо” в открытом бассейне в Межапарке до вступительных экзаменов абитуриенты должны были пройти проверку в легкой атлетике и плавании, и принести справку в приемную комиссию о сдаче норм. Пришлось бежать полтора километра, прыгать в длину, бросать гранату и плыть 100 метров. В забеге обратил внимание на юношу высокого роста, черноволосого, который стал соревноваться со мной, и огорчился, когда на финише отстал от меня. Он оказался в нашей группе, зовут Жора. Открыли с ним дверь вагона, сели на пол плечом к плечу и обдуваемые ветром, вдыхая паровозные дым с гарью и брызгами пара, любова-

лись пронесившимися полями, лесами, мелькавшими столбами с бесконечно тянувшимися к их чашечкам вверх, а от них – вниз проводами.

На одной остановке я пошел к паровозу. В Лизумсе я любил приходить на станцию к приходу поезда, подходить к паровозу и рассматривать замазанные детали привода, вдыхать вкусный вырывающийся из цилиндров пар, затыкать уши от пронзительного отходного свистка. Но ни разу не был в кабине. Ни сам не просился, ни машинисты не предложили. А тут, став студентом, осмелился и попросился в кабину проехать до следующей остановки. Машинисты без долгих уговоров разрешили. Пространство кабины между топкой и тендером с углем небольшое. Стоял в стороне от машиниста и помощника. Машинист следил за сигналами светофоров, и показаниями приборов, подходил к рукояткам управления. Помощник с лязгом откидывал прямоугольную дверку топки и широкой лопатой вбрасывал далеко в нее уголь, черпая его из тендера. Вбрасывал по многу лопат в грохочущее взрывами пламени жерло топки. Кабина быстро наполнялась жаром, пот выступал на наших лбах, а на помощнике взмокала почти не просыхавшая почерневшая от угольной пыли рубаха. Машинист разрешил мне подрегулировать скорость. Я повернул одну рукоятку и заметил, что грузики на механизме Уатта разошлись. Значит, увеличился выброс пара из цилиндра, давление в нем упало, и скорость паровоза уменьшилась. Кабину все время сильно трясло, словно паровоз катил по кочкам. Зубы выбивали дробь. В открытую форточку бил сильный ветер. Впечатление от скорости не было ничем ни приглушено, ни амортизировано. Все удары по стыкам рельс паровоз и кабина принимали на себя. Казалось, что быстро едешь в телеге.

В колхозе выдергивали из земли свеклу, обрезали ботву, набирали свеклу в кучки, а потом перебрасывали ее в редкие трехтонки. В воскресенье отпросился у Анатолия Яновича и на попутных телегах и пешком добрался до Друст. Пришел к брату Александра Ивановича – Ване Чухареву и его жене Шуре. Ваня приходился двоюродным братом Александра Ивановича, тоже родом из Сибири, и, демобилизовавшись, приехал сюда по его приглашению. Шура в войну работала у немцев в концлагере. Мама дружила с нею в то далекое время в Друстах.

Вечером в клубе, просторном, похожем на сарай, намечался летний бал. Афиша висела на дверях. Бал был большим событием для Друст и ближайших хуторян. Сначала показывали фильм, а потом были танцы под местный оркестр. Киноаппарат стоял тут же, рядом со зрителями и громко стрекотал. Фильм показывали частями. Части заканчивались и начинались мельканием непонятных знаков, слов со многими пятиконечными белыми звездами. Девушки жались вдоль стен, а мальчики теснились у входа. Пригласил на танго не здешнюю милую девушку. Назвалась Бэлой. Сама из Риги, работает на ткацком комбинате, живет по ул. Лачплеша, прислали убирать картофель. Впервые провожал взрослую девушку до ее колхозного общежития вдаль далекую. Не знал о чем говорить, какой тон взять, какой манеры поведения придерживаться. В общем, шли как двое колхозников из разных сел, на расстоянии. Возвращался назад за полночь при свете луны. Сокращая путь, пошел напрямик по полю с высокой травой. Трава в холодной по осени росе. Летом тоже приходилось поздно вечером ходить по полю босиком. Но и тогда было теплее, чем теперь в промокших по колено брюках. Одинок и отрывисто кричал коростель. В поле, на моем пути, темнели непонятные силуэты. С опаской приблизился – дремлют стоя несколько лошадей. Одна положила голову на спину другой. А вот и молодой месяц проглянул среди черных туч. Проникся величием и очарованием ночи и подлунного поля. Маленький месяц, а я еще меньше. В дальнейшей жизни таких ночей больше не было, а эта осталась в памяти.

От сентябрьской ночи провожания Бэлы после танцев в клубе Друсти до наступающего Нового года прошло совсем немного времени. Наверно Бэла меня еще помнит, подумал и решил пригласить ее на празднование в “Лиру”. Впервые в ресторане с девушкой на Новый год. Все интересно, восхитительно, ново. И свет, и музыка, и запахи блюд, и компания. А Бэла

была очень хороша. Но этот вечер был нашим последним. Просто, беспричинно и бездумно потерял ее из вида. Сожалею только теперь.

* * *

Через шесть лет после открытия для себя “Лиры” она стала местом встречи с Женей, когда появлялись даже небольшие деньги. Но и когда их у меня не было приходили. Женя, ничего мне не говоря, заходила в кондитерский магазин и возвращаясь без цепочки или кольца.

- Пойдем в „Лиру”, я богата.
- Снова заложила?
- Выпрошу у мамы – выкуплю.

Сидим в один из вечеров за столиком в танцевальном зале. Играют танго, солистка поет: – Скажите, почему нас с вами разлучила... – Музыка захватывает сердце. Смотрим друг на друга, и не сговариваясь, без слов, встаем и идем танцевать. Как она мила, тепла, мягка и покорна. Шалю, трудно продвигая ногу меж ее, делая длинный –предлинный шаг сквозь плиссированную юбку, растягивая ее складочки. Оба умираем от близости и трения. Танец окончен, садимся, задыхаясь. У нее еще темнее глаза, блестят еще ярче. Грудь вздымается, губы выдыхают – ух. Оркестр снова играет. Подходит седой мужчина и просит у меня разрешения пригласить Женю на танец. Я отрицательно мотаю головой, склонив ее к столу и не глядя на него. Он стоит в ожидании. Тогда поднимаю голову и, глядя в глаза, внятно говорю:

- Нет.
- Все же, может, позволишь?
- Сказал же вам – нет, – отвечаю.

– Не думай, что всегда будешь молодым. Когда-то состаришься и вспомнишь, как отказывал. Да, помню, но до сих пор удавалось избежать подобной ситуации – не попадалось девушки, магнитящей как Женя. А теперь нет таких кафе и ресторанов с оркестрами, не встречаются прелестницы. То ли зренье ослабло, то ли, фланируя, голову стал ниже опускать, и попадают на глаза то брюки, то джинсы. И нет того манящего пространства между тонкой щиколоткой с округлым коленом и того, что выше. В штанах девушки становится меньше.

На коротком участке улицы под липами мы ходили в кафе, которому так верно было дано название “Золотая осень”, осыпаемое осенью желтой листвой лип, залетавшей в распахнутую дверь. В нем в ряд стояли мягкие черные кожаные диваны, немного просиженные в буржуазное и военное время. На столах лежали подшивки газет на русском и латышском, привязанные шнурами к узкой рейке с округленной рукояткой – бери и размахивай как красным флагом, если номер праздничный. Официантки приносили кофе со сливками и слоеные вперемешку со сливками пирожные “Наполеон”, закуски, бульоны с пирожками из слоеного теста и многие вторые блюда. Оно же было и местом встреч. Я жду. Женя влетает, нетерпеливо ищет меня глазами, не видит – на лице раздражение, недовольство, но вот – увидела, засияла и выдыхая, фыркающая, подлетает ко мне, плюхается.

- Уф, наконец-то!

Излюбленным местом встреч было и кафе „Луна”. Садись в названном нами Китайском зале. Иначе его не назовешь. На его торцовой стене, обращенной на Запад, к реке Даугава, художник представил китайский горный пейзаж с рекой и несколькими всадниками. С обрыва горы свешивались наклонившиеся и почти висящие сосенки. С горной кручи по расщелине стремится белый пенный поток реки. В низине, по берегам реки стебли камыша и стрелчатые листья осоки. Всадники вооружены луками, на головах островерхие шлемы. Один всадник без головного убора, с узлом волос, проткнутых шпилькой. Картина покрыта янтарным прозрачным лаком. В некоторых местах по лаку идут лучики трещинок. Бывая здесь один, глядя на

картину, уносился мыслями в далекий неизвестный Китай, без надежды побывать там когда-либо.

В субботу, летом, в предвечерний час, садимся с Женей в электричку с надеждой попасть в ресторан „Лидо”. Выходим в Дзинтари, и смеясь над чем-то, толкая друг друга, идем к ресторану, наклоняясь под ветками нависающих лип. Обнял Женю за талию и оглянулся. И, о ужас, за нами невдалеке идет мой студент и все наши игры видит. Шепчу Жанне:

– Валерка Дунаевский, из моей группы, из группы Валерки Дмитриева, что не может глаз от тебя отвести.

– Ну и что, подумаешь, обойдется. Валерка преподавателя не выдал, группа на занятиях держалась по-прежнему.

Валерка часто видел меня с Женей и настолько был покорен ею, что предложил ей выйти за него замуж, зная о нашей дружбе и любви, о встречах. Валерка был чуть старше меня, учился на инженера–механика, а я вел в их группе занятия по курсу “Детали машин”. Наше материальное положение резко рознилось. Отец Валерки – инженер строитель, начальник строительного управления. Квартира в центре города, многокомнатная, прежде немецкого военного чина, полученная отцом с приходом нашей Армии в Ригу. Валерка рассказал, что, войдя в квартиру, они увидели офицерский китель, висевший на спинке стула. Нашли всю обстановку, мебель, посуду, холодильник и т.п. И это в 1944 г. Я же жил с мамой в одной комнате общежития. Валерка, атакуя Женю, применил высшую меру уговоров – предложил жениться на ней. Иным образом все его обращения к ней отметались с насмешкой:

– Ну что ты, Валерка, смешной. Валерка был богатым женихом. Он имел болоньевый плащ и рубашку джерси, купленные за очень большие деньги у моряка заграничавания. Но болонья не могла скрыть маленький рост, округленные ноги и заикания речи. Мама Жени работала кладовщицей на продуктовой базе, они жили в одной комнате, без отца. Женя показала мне своего отца на улице. Красавец необыкновенный – вот в кого пошла Женя. Мать же была совершенно невидной. Отец шел в белом фланелевом костюме, на голове светлая мягкая фетровая шляпа, роста высокого, брюнет, черные глаза и ровно подрезанные черные усы. Прямо отец будущей итальянской кинозвезды – красавца Марчелло Мastroяни или его старший брат. Но видел его в первый и последний раз. Вскоре Женя сказала, что он эмигрировал в Австралию.

Женя рассказала мне о предложении Валерки и спросила:

– Что делать? – Я, любя, но заботясь о ней, и желая материального блага, признался, что никогда не смогу жениться на ней и разрешил выйти за Валерку. Объяснение происходило вечером, на лестнице, у двери ее квартиры. Потом мы поднялись на самую верхнюю площадку под крышей и простились навсегда. Как и что все происходило в течение двух недель, я не знал, но на пятнадцатый день мы снова встретились и продолжали встречаться и дальше.

И вот мы идем с Женей в „Лидо”. Не было лучшего для нас ресторана во Вселенной, чем “Лидо”, в Дзинтари, наискосок от концертного зала. Столики располагались в несколько ярусов – партер, бельэтаж, 1–й и 2–й балкон, что под самым потолком, самый скрытый. Весь ресторан, изнутри и снаружи из дерева. Обычно играл хороший оркестр с саксофоном, гитарами, пианино, контрабасом и виолончелью. Солисты менялись раз от раза. Но лучшим из всех и искренне любимым был Лева Пильщик. В один сезон его не стало – иммигрировал в США, запел в Нью–Йорке. В один вечер Лева объявил:

—Уважаемые гости, среди вас находится автор самой знаменитой песни в довоенной Латвии, господин такой-то, приехавший к нам из Швеции. Давайте попросим его сесть за рояль и аккомпанировать “Трис витушас розес” (Три увядшие розы)– Автор под наши аплодисменты встал из-за стола, сел за рояль и зазвучала действительно прекрасная лирическая мелодия, напетая автором. Суть песни – три увядшие розы и маленькое фото, которое вечно будет напоминать о тебе.

В продолжение у меня с Женей незабываемый, как в песне о фото, вечер на дюне, поросшей соснами, в белой ротонде над морем. Резко пахнут сирень и жасмин, слышно легкое шуршанье наката ленивых засыпающих волн. И мы, только мы, и никого в мире, кроме нас.

В другой раз я и Женя в новом ресторане Задвинья “Балтия”. Столики зала отделены решетчатыми перегородками, на которых стоят горшки с цветами, что выглядит красиво и уютно. Играет хороший оркестр, танцуем. В перерыве, когда оркестр отдыхает, Женя удаляется и возвращается через короткое время со словами:

– Обещай, что будешь спокойным и не рассердишься–

—Хорошо, обещаю. —И она продолжает:

– Представляешь, в туалете подошла ко мне приличная на вид дама, сказала, что мы с тобой очень понравились ей и ее мужу. Он капитан корабля – банановоза, который стоит в Рижском порту. Корабль новый, куплен в ГДР. Перегоняют его из Ростока в Таллинн. Ее мужу только что присвоили звание Героя социалистического труда, и они празднуют это событие. Они приглашают нас присоединиться к их компании, а потом поехать на корабль и продолжить. На что я отвечаю:

– Покажи мне эту пару, посмотрю, что за люди. —Женя показала. Выглядят вполне прилично, правда, капитан без звезды героя. Я согласился с их предложением. Женя подошла к ним, поговорила, вернулась и мы перешли за их стол. Одно меня тревожило. Если продолжение будет на корабле, а как же мне после бессонной ночи работать в лаборатории?

Покинули ресторан и на такси поехали в порт. У причала высился большой освещенный белый корабль. Поднялись по трапу и вошли в каюту капитана. В ней приемная со столом, стулья, лавки вдоль стен, спальня за дверью. Прислуживающий матрос принес закуски, вина, водки, шампанское. Все напитки немецкие. Жена капитана балерина Таллиннского театра оперы и балета. В середине ночи капитан подошел ко мне с предложением.

—Давай, друг, для украшения и разнообразия жизни поменяемся подругами. — Я очень удивился неожиданному предложению, возмутился несказанно. Но внешне сдержался, и чтобы не обидеть хозяина резкостью, сказал, что мы не можем оставаться, мне завтра в лабораторию к восьми. До свидания, и позвал Жанну. Капитан, получив отказ, тоже нашелся:

– Что вы, зачем ехать в ночь. Ночуйте на корабле, есть хорошая свободная каюта врача, а утром уж поедете.— Я согласился. Мы с Женей еле поместились в койке под потолком врачебной каюты. Койка была явно на одного врача. На сестру милосердия койка не была задумана.

Было еще одно милое нам кафе на левом берегу Даугавы недалеко от Балтии – „Приедес” (Сосны), окруженное несколькими соснами и стоявшее на отшибе от домов, скорее на кромке луга. Кафе маленькое, оркестр, рядом с нашим столиком, наигрывает джазовые попури. Оркестр маленький – пианино, саксофон и контрабас. Музыканты перестают заглядывать в ноты, и все внимание на Жанну, поедают ее глазами. После короткой передышки, без заказа, по собственному побуждению, оркестр начинает играть только для Жени с чувством, страстно, исполнял для нее, презирая, конечно, меня „Черные глаза” (Ах, эти черные глаза меня пленили...) с переходом в „Очи карие, очи черные”. И эту сцепку исполняют несколько раз. Женя, наконец, снисходит к ним, одаривает музыкантов улыбкой и, смеясь говорит:

– Спасибо, мальчики. — Самой-то двадцати нет, а мальчикам под тридцать. Соломинкой высасываем коктейли с шампанским, бальзамом, вишневым соком и вишенкой на доньшке, пьем кофе. Нам хорошо было везде, но здесь, с их музыкой, душа уносилась в райское поднебесье другого мира.

От года к году и знакомые, и лица, просто примелькавшиеся постепенно исчезают. Вспоминаются многие, но чтобы увидеть – нет, никогда. И вдруг, на перекрестке четырех улиц, в самом центре Риги, под вечер ранней осени увидел Женю. – Неужели она? Невероятно! Да, она.– Идем навстречу друг к другу. В глазах удивление и радость. Но обнялись сдержано, и поцеловаться постеснялись – как-то неловко. Она замужем, эмигрировала в Будапешт.

По-прежнему красива, неожиданно пополнела несильно. Глаза яркие, блестящие, улыбается, лицом свежа. Стоим, рассматриваем друг друга. Женя, как всегда, инициативна.

—Пойдем. – Ведет вдоль цветочного ряда, останавливается и просит набрать цветочницу красных роз. Цветочница набрала, обернула в красивую упаковочную бумагу. Женя берет букет в обхват и со словами:

– Это тебе, – и передает мне. Я оторопел.

– В связи с чем? За что? – спрашиваю, смеясь.

– За все, что было, – отвечает Женя. – Пойдем в вашу „Латвию“, в бар „Мелодия“. Я с портфелем после института, смущенно мнусь и говорю:

– Женя, я, пожалуй, не потяну этот бар, лучше в кафе. Она:

– Узнаю тебя, как всегда, но не беспокойся – я ведь иностранка и у меня муж умелец – хорошо зарабатывает.

Мы сидим за ближним к оркестру столиком. Оркестр по афише цыганский, но странно больше похож на русский. Особенно одна физиономия – ну никак не представить его цыганом, хотя и одет под цыгана, как и остальные. Женя всегда обладала невероятным притягательным воздействием на мужчин. Меня удивляло, когда даже самый тщедушный мужчина, без каких-либо признаков достоинства или красоты, захватывался ее аурой и готов был начать танец преклонения перед Женей, даже видя меня рядом, а иногда и невзирая на меня. И здесь, оркестр играет, а этот русский цыган в перерыве своей партии начинает строить, что называется, глазки Жене. О ее магнетизме я знал тогда и увидел его теперь. Он остался, наверно, навсегда.

Была в Жанне и уверенность во мне, да такая, что однажды она не побоялась проверить ее самым невероятным способом. Она видела, что я поглядывал иногда в сторону нашей знакомой Люси. Люся очень тянулась ко мне, зная о наших отношениях с Женей, а возможно, из уверенности в себе, пыталась составить ей конкуренцию или, как говорится, отбить дружка у подруги. Женя, догадываясь об этом ее намерении, подговаривает Люсю соблазнить меня. Люсе без больших усилий это удается. Через день я встречаюсь с Жанной. Женя весела, сияет удовольствием.

– Ну, как провел вчера вечер?

– Как обычно, погулял по Бродвею и вернулся домой.

– Да? А Люсю на Бродвее не встретил?

– Нет, откуда ей взяться, ведь она живет на Взморье.

– А ее встретила. И заливаясь радостным смехом:

– Она мне все и рассказала, все, все!

– Какой же ты податливый, нашел с кем. В чем у нее душа–то держится. Но – нет. Люся была изящна, красива и резва. Неправа была здесь Женя. И после этого все продолжилось у нас, как ни в чем не бывало.

Люся

* * *

С Валеркой Дмитриевым отношения восстановились в начале перестройки 90-х. В случайной встрече он рассказал, что организовал компанию и занимается декларированием грузов, ввозимых из-за границы. Годы не сильно отразились на его лице и не изменили врожденное состояние, только ростом, казалось, стал ниже, но проявил предприимчивость, имел автомобиль. Валерка привел меня в свою контору пункта декларирования в старом грузовом железнодорожном вокзальном здании, окруженном булыжной мостовой, прорастающей в стыках булыжников травой, рельсами вдоль разгрузочных дебаркадеров пакгаузов. Все было очень старым, в трещинах и потеках, и ржавчине былых времен. Молодыми были только липы по фасаду. В большом зале над дверью конторы висело название компании, расценки за декларирование, внутри стоял компьютер с гордостью Валерки – программой, печатавшей бланки для заполнения декларантом.

– Видишь, только один компьютер, да и тот маломощный, – посетовал Валерка. – Нет денег на закупку компьютеров и программного обеспечения. Тогда бы я развернулся.

– Валерий, я мог бы тебе помочь – инвестировать несколько тысяч.

– Хорошо, давай.

Обсудили условия договора, я разработал его, и он был подписан. Валерка получил деньги и несколько месяцев выплачивал оговоренную часть дохода, но на четвертый перестал, объяснив, что поток декларантов уменьшился, и дохода почти нет. – О, горе нам и моей инвестиции. – Прождав еще месяцы, я попросил Валерку вернуть вложенную сумму. Но он отговаривался разными причинами. После официального предупреждения и все же не возврата, я

подал иск в суд. Валерик запросил встречу для переговоров в адвокатской конторе. Зайдя в коридор конторы, вижу Валерку, подхожу к нему, но замечаю, что он не один. Валерка представляет того:

– Виктор. Он купил мою компанию. Теперь он ее владелец.

– Твое дело, но верни долг, иначе суд. Вступает в разговор Виктор:

– Если имя моей компании прозвучит в суде, то ты не только свое не получишь, а будешь мне выплачивать столько же.– На что я, внутренне дрожа и задыхаясь от возмущения подлостью, почти задыхаясь, грубым резким голосом с угрозой в позе и взгляде изрек:

– Отойди, не лезь в мое дело, ты здесь никто, я разговариваю с Валеркой. – Виктор оторопел и отодвинулся. Валерка, заикаясь с растерянным видом, произносил какие-то несвязные фразы. Я резко повернул к выходу и ушел. Понятно, что это была угроза, организованная Валеркой, но ожидаемый сценарий не сработал. Похоже, что Валерик насмотрелся, начитался популярных в то время историй с разборками, битьем, убийства, заложниками, к сожалению происходившими в реальности, и воспринял это как руководство к действию. Сбросил со счета давние добрые отношения, совсем недавно дружеские, помощь в его деле, обязательство по договору, поддавшись витающему злу, не устояв перед ним. К сожалению и другие приличные люди, но без жесткого стержня благородства в душе, принимали эту мерзкую бандитскую психологию.

Возмущенный угрозой, на следующий день я отправился в Главное управление полиции, добился приема к начальнику отдела Белкину, описал прозвучавшую угрозу. Белкин успокоил меня и обещал принять меры. Вскоре я был вызван по телефону в полицию и узнал, что оба предпринимателя уже здесь побывали, написали пояснения, убеждая, что ничего подобного не было, что они добропорядочные граждане. Читал эти пояснения невинных благородных мужчин, которые как оказалось, лишь пытались понять причину моего обращения в суд. Немного не доверяя результативности полицейского наставления Валерки и Виктора, опасаясь засады и атаки по дороге в суд за день до судебного слушанья, ночевал у мамы и пришел в здание суд с другой стороны. Валерка явился на этот раз один, без помощника. Обе стороны приняли предложение судьи заключить мировое соглашение, по которому Валерка произведет полный расчет. Через несколько месяцев это и произошло. В присутствии судьи, в его кабинете, Валерка отсчитал требуемую сумму, положил ее в конверт, запечатал. Не доверяя моральным принципам и порядочности Валерки, опасаясь фальшивых купюр, я не принял деньги и не подписал требуемые судом документы для завершения процесса. Чтобы не быть обманутым и не получить кошку в мешке, я потребовал проверки купюр. Мы пошли в банк, где купюры были проверены, и только тогда я их принял. Тем и закончилось мое первое инвестирование – инвестиция была спасена и даже принесла некоторую прибыль.

Теперь живу с мечтой побывать в Будапеште и разыскать Женю. Очень хочу ее увидеть, гулять с нею по вечернему городу. Она осталась единственной, с которой желал быть в дружбе навсегда. Звонил в справочную телефонной компании Будапешта, надеясь узнать номер телефона. К сожалению, не значится. Решил прилететь в Будапешт, надеясь на удачу в адресном бюро, и ходить возле ее дома допоздна, грустя и напевая о трех увядших розах и ее фото. Время от времени задавать себе вопросы и отвечать.

– Чей же образ за каждой розой? Ну не я же в одной, ведь еще не увял. И ни в коем случае не Женя в другой – она никогда не увянет. А в третьей – все что было, что прошло, но не увяло в памяти.

Маскиратор

Решение о приеме в бюро надежности оказалось в руках того самого Ювеналия Васильева, в бюро которого Смирнов проходил дипломную практику. Теперь он стал заместителем главного инженера по новой технике и принял Смирнова в бюро надежности.

Бюро вместе с другими инженерными службами располагалось в громадном общем зале двухэтажного желтого здания заводууправления, выходящего фасадом на главную улицу города. Начальником бюро Петр – высокий брюнет с греческим носом, белозубой улыбкой, жизнерадостный, смелый в делах, громкоголосый, сообразительный, позднее занявший должность Ювеналия. Через год–другой бюро переместили в небольшую комнату бесконечно длинного арматурного цеха. Начальником стал Круглов.

Если в желтом доме заводские звуки и запаха не достигали рабочих мест надежников, и они работали как бы на заводе, то теперь изменилось – они стали работать в заводе. В цех вели двухстворчатые ворота в ширину грузовика. По утрам машины в них часто и стояли. Приходилось, обтягивая на выдохе плащи, пальто или платья, протискиваясь между марками кирпичами стены и занозистым бортом грузовика проникать в цех. Проходя по цеху к лестнице, ведущей на второй этаж, в их комнату, они видели станки, рабочих, ловили взором верчение шпинделей, звон прутков проката в револьверных станках, маханье шатунов прессов. Приходилось прикрывать глаза от брызг электросварки, слушать визг срезанного и сверлимого металла, свист сжатого воздуха, гуканье молотов, удары – жжжах штампов. Под грузом, плывущим над головой, опасно наклонялись, втягивая в плечи голову. Женщины каблучками прокалывали полувековые наслоения, покрывавшие металлические плитки пола. Самое время приглашать археологов для раскопок. Путь по цеху приносил полное погружение в завод, в производство, как по Станиславскому – в роль.

В комнате был дощатый крашенный пол, два больших окна. Столы стояли вдоль стен и окон. Дюжина надежников сидела за столами почти плечом к плечу и друг к другу лицом или боком, но никто не был обращен к коллеге спиной – как в высоких заседаниях за овальным столом.

Стол Смирнова располагался в углу и был оснащен вычислительной техникой – деревянными счетами и арифмометром „Феликс”. Тыл был прикрыт чертежной доской с рейсшиной с двадцатью килограммами чугунного противовеса и полкой с папками. Отсюда он мог наблюдать всю комнату, а в двух окнах – три березы, видеть проплывающие пантографы электропоездов, наблюдать по листве и веткам смены времен года и состояние погоды.

Размещение благоприятствовало деловому общению и коллективным беседам. С них и начинался рабочий день. Шел обмен новостями союзного и мирового масштаба из газет, радио нашего и вражеского голоса. Похвал решениям партии и правительства, жизни почти не звучало. Напротив, раздавалась критика. Осторожный начальника бюро, член партии, а потому и воспитатель коллектива, опасался чужих ушей и критики руководства. Маскируясь, не желая прослыть тупым партийцем в глазах прогрессивно мыслящего коллектива, он находил благовидный предлог и прекращал дискуссию.

– Кому-то сегодня нужно и работать, сосредоточиться над бумагами, а вы шумите, так можно и ошибиться! – При этом его поднятые брови и скошенные глаза с кивком головы в сторону угла комнаты, несомненно, относились к инженеру Смирнову. В этот момент тот, ероша одной рукой шевелюру, подняв другую с вытянутым пальцем, как петух лапку над мякиной, собирался ударом по клавише ввести цифру в вычислительную машину. Доверчивые и преданные коллеги смотрели на Смирнова с укоризной, видя в нем виновного в прекращении интереснейшей беседы.

На рабочем месте за экспресс-информацией „Детали машин”

Начальник Круглов, родившийся в России и окончивший там вуз, был одногодком – блондин, что в народе скорее зовется сивый, с бесцветными глазами, полноватым лицом мучного цвета. Выглядел добродушным, да и был таким. Незлобив, требовал мягко и нетребовательно, прощал ошибки и промахи. Заметив взгляд на себе, отвечал сиянием своего лица, искренней улыбкой. Лицо его словно покрывалось смазкой, устраняющей всякие трения предстоящих отношений с тобой. Ничто, казалось, теперь не сможет ни задеть, ни зацепить его. Все проскользнет и отрикошетит. Вспоминается образ гоголевского Манилова: мил, обаятелен, улыбчив необычайно, обтекаем. Казалось, впитал все теории американских школ менеджмента, психологии управления, практические рекомендации Карнеги и Форда. Желания выражает неопределенно, оставляя решения собеседнику, даже если тот приглашен для цели Круглова. И если бы сам мог скрыться от постороннего взгляда! Но это его мечта – мечта маскиратора. Ни разу задушевной русской беседы ни на трезвую голову, ни в пьяном виде. Душа на замке, наличие ее предполагается, но видна только целесообразность. Хоть он родом из русских, но думается почему-то, что он из немцев, которых русскому не дано понять, что ему подобные были прообразом при создании военных технологий невидимости типа “Стелс”, словно он бывал возле американских центров разработок, был учуян разработчиками, но не обнаружен, и потому он стал как бы прообразом их. Волосы, брови, ресницы белые. Придет время, седины не заметить. Лег бы на снег в белом полушубке – не найти. Мысли выражает сумбурно и непонятно, чтобы потом можно было отказаться, свалить на другого, чтобы не быть не только виноватым, но и не быть героем удачи. Просил неявно незаметно. Если бы уметь также неявно отказать, то и бездельничать было бы можно. Но обыграть его в такие жмурки было непросто. Играя, он достигал своих целей. Скрытное продвижение к цели – известный тактический прием в боевых действиях, а у маскиратора было стратегией, которая и помогла ему пройти лихо карьерную лестницу от инженера до главного инженера. Не обидеть – был его принцип. Словно он был знаком с сутрой Будды, что зло от обиды, как тончайшая пыль, возвращается к обидчику безвинного.

Инженер же Смирнов, в противоположность своему начальнику, как будто нарочно цеплял о себя и взор, и мысль, и даже не обидев, невольно, словно обижал вас чем-то. Заставлял напрячься для оказания сопротивления даже без начала от него каких-либо действий против вас. Он был как бы покрыт оболочкой из ткани с множеством крючков, из которых делают замки-липучки. О подобных Смирнову задеваются, хочется оказать им противодействие и в

беседе, и в споре, и в деле, и в спортивном соревновании. Они – ваш всегдашний какой-то противник. Если бы был проведен опрос среди знавших его, с вопросом:

– Кого бы вы могли назвать своим ближайшим противником, кроме США и ФРГ? Уверен – назвали бы его. – Он и сверстникам, и начальствующим казался независимым и высокомерным, что вызывало обиду и противление ему. Возможно, что это вызывалось его развитым чувством собственного достоинства.

В первый университетский год его маму вызывала в вуз и жаловалась обиженная преподаватель – Он держит себя словно король какой-то, а я его прислуга, будто не я преподаватель, а он.

Смирнов жил в пролетарском рабочем районе города. Район изобилдовал хулиганами, с некоторыми из которых вынужденно был знаком. Но ни разу не был атакован ни знакомыми, ни не знакомыми мрачными типами. В нем жила всегда готовность дать отпор. Возможно, она находила проявление в его стати. Может быть, это и было просто тем, что называется „держать себя с достоинством”. Перенесенное из темных закоулков города в светлую Alma Mater университета достоинство могло показаться преподавателю, ожидавшему покорности, высокомерием.

Круглов естественно ощущал эту “зацепистость” о Смирнова. Но сидевший в нем маскиратор сдерживал проявление начальственной реакции. Однако со временем маска постепенно спадала и тем сильнее проявлялась, чем дальше их разводила жизнь.

После защиты диссертации Круглов упорно стал завершать фразы вопросом:

– Ты понимаешь меня? – А все, и Смирнов в том числе, будто потеряли понятливость. К радости всех головокружение с „понимаешь” вскоре отошли.

Смирнов занимался и научной работой по тематике, которая интересовала его, и которую он считал нужной для завода. Но вольным казаком быть невозможно – Запорожская сечь канула в Лету. И он приложил немало усилий, убеждая и непосредственного начальника, и главного инженера, что заводу совершенно необходимо увеличивать долговечность и надежность тяговых зубчатых передач, уменьшать ударные нагрузки в зацеплении. И удалось – эти работы на много лет вошли в планы бюро и новой техники завода. Через несколько лет, когда появился новый стандарт и Заказчик потребовал от завода экспериментальной проверки долговечности зубчатых передач электропоездов, разработка методики естественно пала на Смирнова. Задача была сложной. Круглов это понимал и без обиняков, сняв маскировку, заявил Смирнову не без удовольствия:

– Ну, что же, придется увольняться. – Однако Смирнов задачу решил. Многолетняя работа завершилась, и методика была готова к применению. Главный конструктор Станислав Иванович Соколов разработку поддерживал. Представлять методику в Министерстве путей сообщения поехал вместе со Смирновым, а в дискуссии с главным инженером Главного управления локомотивного хозяйства МПС, сам, будучи физически изящным, проявил себя настоящим борцом, и методика была утверждена.

Завтра 7 ноября – праздник Октября. Сегодня банкет и не всухомятку, не абы как, а с соленьями, вареньями, горячими вторыми, лимонадом, кофе-чаем и пирожными. Сдвинув вместе все 12 двухтумбовых столов в один величиной с плазовый для получения картонных выкровок вагона. Получился стол такой величины, который и теперь не купишь ни в одном мебельном магазине. Стол накрыт белейшими листами ватмана, а поверх лоснящейся калькой под тушь. Кое-кто при галстуках, белых рубашках. Инженеры в состоянии большого духовного подъема. Настроение приподнятое, радостно – поющее, запах духов, источаемых двумя женщинами, дополняется почти озоновой свежестью букета закусок. Присутствует и непремный гость надежников – сосед из комнаты рядом, слева – Евгений Иванович Заморский. Он в своей комнате ремонтирует пишущие машинки. Ему, наверно, около 55 лет. В войну он был механиком тяжелого бомбардировщика ТБ, капитан в отставке. Характер у него ровный, он доб-

родушен, любит пошутить, играет с надежниками в волейбол, восхищается делами надежников, живет их переживаниями, принимает у себя дома. Его комната – укрытие и отдушина, курилка, красный уголок для надежников. Принимает их всегда с радостью.

Банкет начался, банкет идет, банкет на подъеме и в радостном веселом напряжении. Русский дух веселья с просторов Союза сконцентрировался за столом. Но начальник Круглов как громоотвод все разряжает, глушит, тушит, тормозит звуки в наших грудях, не дает звукам вырваться из них и из бюро, боясь разоблачения.

Вдруг раздаются сильные удары в стенку из комнаты справа. Круглов вздрагивает, с опаской и вопросом упирает взгляд в зону ударов. –Что это? Кто бы мог быть? – Все смеются, знают, что это сигнал от соседей – дизелистов, из бюро Пацановатого. Уверены, что все разошлись, но, как обычно, остается один и работает, работает допоздна. Это новичок – молодой кандидат наук Невский. Он неумен в труде, настойчив. Получил ответственное за безопасность поезда задание – рассчитать на прочность песочницу головного вагона дизель-поезда и теперь бьется над нею и об нашу стенку. Задача не только очень сложная, но и ответственная. Ведь если песочница лопнет, то вся тонна песка высыплется на рельс, образует сугроб, а дизель-поезд не сможет его перескочить, упрется, затормозит аварийно, а люди попадают с ног, со скамеек и вещи – с полок. Травм будет не счесть. Смирнов, зная Невского, зная о его способностях и трудолюбии, рекомендовал его начальнику дизельного бюро Пацановатому и тот принял его на работу. Наши застольные шумы – громкие выкрикивания тостов, звон ударов стакан о стакан, скрежет вилок, ножей и зубовный наверно мешали ему с песочницей. О чем он и сигнализировал, ударяя чем-то тяжелым, ибо трудно представить, что это были просто удары рукой. Возможно, он бил макетом сварной песочницы, сделанной в масштабе 1:10 для наглядности при расчетах. Невский любил и умел сочинять короткие, оригинальные стишки, читал их иногда на лестничной площадке, где курили и отводили душу конструкторы. Они им нравились. Ими удавалось прервать нескончаемы байки конструктора Валерия. Наверно, во многом благодаря этой своей способности вещания баек, он, исчезнув из курилки, стал вторым человеком в партийной иерархии Латвии. Впредь заводчане видели его только на партийной трибуне, проходя в колоннах демонстрантов в дни октября и первого мая. Он стоял рядом с первым секретарем Воссом и бросал им лозунги, которые вырывали из их глоток дружные крики “ура”.

Валерий с партией исчезли с горизонта, а талант стихоплета Невского рос, хотя миру он более известен прозой научных работ в области задира юбки, но поршня цилиндропоршневой группы Дизеля. Вот пример одного из стихотворных перлов Невского.

Моя песочница

Цилиндропоршневая группа, клапана забились радостно.

Минуя шпалы, стыки рельс, столбы обочин,

Наш Дизель тронулся, все ускоряя бег.

Недойным выменем песочница повисла,

Над рельсов зеркалами, глядя двумя сосками.

Наполнена надоем полу тонным, не лопнет–

Закована в доспехи расчетных формул сопромата.

Вдруг красный светофор, как дояр замаячил,

И отдалась, и экстренно, спеша, свое предназначенье

Бег тормозить исполнила – слила под колесо на рельс

Песка молочную струю под скрежет тормозов

И смрад горящего металла. Замолк ритм Дизеля.

Закрутит пассажир башкой в недоумень,

Не ведая причины тишины и жизни дней продленья.

Предпраздничное застолье и проходило до времен борьбы с питьем Лигачева и Горбачева, однако, но и тогда администрация завода не приветствовала выпивки на территории завода. Активно противилась коллективному питью в предпраздничные дни, заботясь о безопасности и сохранении секретов завода. Развеселившись, уходя после этого, коллектив мог не запереть двери, не запереть в ящик и не опломбировать его с оргтехникой – пишущей машинкой Wonderwood американского производства до 2-й мировой войны или Adler немецкого тех же времен, что резко увеличивало вероятность доступа к оргтехнике врага и печатанья им нехороших воззваний.

Для борьбы с банкетами и приносом в завод недозволенного спиртного в предпраздничные дни существовало несколько заслонов. На проходной охрана усиливалась технологом по сварке, боксером Сизовым. Проверяла сумки, портфели, карманы, и запазухи входящих в завод. Найденное спиртное изымалось, тут же разбивалось над ведром или сливалось в него. Хотелось бы знать, что происходило дальше с этим ведром коктейля! Никакой веры в попадание его содержимого в воды реки Даугавы не было! Хотя, технолог Сизов выделялся принципиальностью и служебным рвением, и слив мог произойти. О его рвении завод узнал из приказа директора завода, вывешенного на обозрение. Из него следовало, что технолог Сизов превысил свои полномочия, за что тому объявляется выговор. Он заметил, что сварщик нарушает технологию приварки кронштейна подвески редуктора, сделал тому замечание и отошел. Вернувшись, увидел, что нарушения продолжаются. Тогда Сизов воздействовал на нарушителя технологии боксерским приемом, так называемым “хуком справа”. Нарушителя намек хорошо пронял, и варить с нарушениями, уже лежа, он не мог.

Другим предпраздничным, но преодолимым заслоном, был заводской железобетонный забор со стороны города и магазинов, через который и перелезали жаждущие и посыльные. Праздники и, не скрыть, будни оставили на нем многие следы. Он был изрисован ботинками, сапогами, валенками, лыжами и коньками трудящихся – в зависимости от того, кого в какое время года и в каком состоянии заставляла предпраздничная жажда. Правда, следов женских каблучков замечено не было, что характеризует лазающих дамскими угодниками и джентльменами. Рисунки состояли из вертикальных или скошенных черных линий, и протертостей до арматуры. Входила заря граффити с ножной техникой. Последним же заслоном и раундом борьбы был рейд по всем помещениям завода заводским треугольником – главами администрации, парткома и профкома.

Круглов, опасаясь рейда, готов был стать хоть затычкой для всех щелей, через которые может вырваться наружу дух застолья со спиртным и разоблачить, что могло привести к потере им должности начальника или застопорить продвижения по службе из-за каких то “стопариков” спиртного. Банкет взвивается все выше и звонче. Круглов дирижирует, пытается гасить высокие и громкие звуки, но не справляется – пьянеющий ансамбль все менее управляем. И тут еще звучат настойчивые просьбы к нашей выдающейся машинистке – Спой Нона, не стыдись. Нона заканчивает консерваторию по классу вокала. Но под строгим взглядом Круглова она отказывается, берегу, мол, голос для зачета.

И вдруг слышатся знакомые голоса руководителей завода – вершин треугольника, которые комиссией обходят завод на предмет – все ли в порядке, опечатаны ли двери, опечатаны ли пишущие машинки, из которых могут выползти опасные листовки. Круглов дирижировал как на фронте:

– Ложись, замри, нишкни! – Замерли, давясь и прыская с трудом сдерживаемым, рвущимся наружу озорным смехом. Слышны голоса из комиссии:

– Аааа, здесь наши, надежники, никого нет, уже ушли. – Надежники дождались затихания шагов и голосов – и тут грянули снова и еще сильнее, но уже свободно и смело. Пронесло.

Что примечательно, одной из вершин проверяющего треугольника был заместитель главного инженера Александр Базлов. Среднего роста, русский, кудрявый как деревенский гармо-

нист, плотненький, присланный из глубинки России руководить научно–исследовательскими и опытно–конструкторскими работами в заводе в должности зам. главного инженера. Привез он из России и стойкую любовь к выпивке, которая его, похоже, покорила насовсем. Но и не работать нельзя, нужно руководить. И он нашел выход. По должности он мог пользоваться заводским автомобилем „Москвич 412”. В сложном состоянии он садился в него и разъезжая по заводу, подъезжал к управляемому им объекту, и опустив стекло, руководил. Предательские пары смешивались с нещадно пробивавшимися в салон из отводной системы, не знавшей хороших фильтров, выхлопными газами, и высокий руководитель, маскируясь газами СО₂, мог смело руководить, не опасаясь разоблачения. О его решениях трудно судить, но уководя НИР и ОКР, он не переносил, как оказалось, их разработчиков. А выяснили это Круглов и Смирнов, встретившись с Александром Базловым в ресторане.

Круглов недавно защитил кандидатскую диссертацию, организовал банкет в бюро, а продолжил с Смирновым, в большом зале ресторана “Рига”. Интерьер ресторана оформлен в латышском национальном стиле. Разлапистые люстры с сактами – защипками для одежды в виде листка клевера, на торцовых стенах панно с рекой Даугава, ладьей в ней. В ладье девушки с косами в чепцах, а с ними герой латышского эпоса Лачплесис в медвежьей шапке. При скромных инженерных зарплатах ресторан был вполне доступен. Пили друзья армянский коньяк, закусывая ломтиками лимона в сахарной пудре. Прекрасное сочетание, перелившееся в прекрасное настроение. К тому же, им было по 35. В прогулке в холл повстречали Базлова. Пригласили его. Он хорошо навеселе после своего банкета по случаю присвоения какому-то поезду Знака качества – высшего показателя качества в стране. Знак качества (похож на эмблему американского автогиганта JМ) указывал на превосходство нашим изделием лучшего мирового. Базлов начальственно задиристо:

– По какому случаю, ребята? Круглов:
– Защитил диссертацию. На что Базлов сразу в карьер:
– Не переносу вас, ученых, вы не работаете, только и заняты диссертациями, а завод страдает, мы вас кормим, всех бы выгнать, да дать лопаты и т.д. Вот такой лихой был наш руководитель НИР.

Он со своим пристрастием не выпадал из когорты руководителей. В заводе традиционно встречались выпивающие руководители. Так первую публикацию Смирнова на Всесоюзную конференцию вычитывал главный инженер, как председатель экспертной комиссии, однако, в далеко нетрезвом виде. Отношение к пишущему инженеру было самое благодушное, ободряющее, но заметив соавторов из Академии наук, потребовал удалить их из публикации.

– Какое отношение они имеют к электропоездам?– Хотя разработка касалась износа зубчатых колес электропоезда, который определялся по заводской методике, но с использованием их метода нейтронно–активационного анализа и ядерного реактора. И заставил-таки убрать. Считали его сильным главным. Готов был работать на пользу завода, не щадя здоровья, защищать его интересы. Труднейшую борьбу приходилось ему вести у заказчика в МПС, от которого зависели оплата и премии завода. Там он в каком-то высоком кабинете и кончил дни своей жизни от сердечного приступа. И главный же конструктор, назначенный после Соколова, просто спивался и дома, и на службе, и вынужден был оставить место. Базлов с его новым методом управления из автомобиля все же не прижился в заводе.

Тренировки Круглова в скрытности, маскировках, видимо, продолжались всю жизнь. Правда, позднее, по рассказам, он сдал и позволял себе покрикивать на приличных людей. Дар маскиратора начал иссякать. Звонит ему Смирнов вечером. Попал, видимо, в момент, когда тот окапывался и как скорпион втирается в песок, погружаясь и исчезая в нем полностью, входил в состояние невидимости, неслышимости и отсутствия. Смирнов:

– Здравствуй, Круглов. –В ответ голос Круглова:

– Смирнов, это факс.– При повторном наборе Круглов уже полностью замаскировался, ввел себя в роль факсимильного аппарата и звучал уже только знакомыми модулированными тонами факса. Совершенствованию маскиратора нет предела. Достигнута высочайшая степень надежности маскировки. И высокотехнологичная техника ему в помощь теперь. Но получилось менее тонко, чем в былые времена. С годами маскиратор потерял былое изящество, и последний сеанс маскировки больше напомнил обычный русский посыл. Скрывать свое отношение к Смирнову, по–видимому, не было больше мочи, да и не нужно – ведь так далеко развела их жизнь, что пыль зла вряд ли долетит и вернется, чего опасаться, а европейская корректность так и не совладала с брянской закваской.

Через десятки лет, когда не стало того завода, когда и Смирнов и Круглов, расстались, казалось, навсегда, все же произошла их встреча. Хоронили последнего директора завода, при котором работал Круглов, бывшего однокашника Смирнова. Смирнов, направляясь к часовне, увидел группу мужчин, пришедших проводить в последний путь почившего. Люди в группе одеты обычно – то в костюмах, то в курточках, а то и в рубашках под галстуком. Выделялся один, стоял спиной, одетый в куртку и брюки в военных маскировочных извивах с преобладанием зеленого и песочного цветов. Смирнов подошел и, надо же, человеком в камуфляжной одежде оказался Круглов. Он пополнел, белые волосы поседели, сутулится, форма на нем сидит мешковато, лицо раздобрело, щеки отвисли. Смирнова встретил широкой улыбкой, закричал, захихикал. Смирнов бодро:

– Привет, Факс!.– Круглов понимающе засмеялся, пробормотал что-то невнятное, скрывая смущение, понимая, что был тогда, давно, уличен. Далее – ни единого слова. Он прежний. Камуфляж очень подходил для маскировки на кладбищенской местности. Так и дама с косой не заметит, не запомнит и не затянет погостить.

Горьковские истории

Вдоль рогатки слияния Оки с Волгой лежат высокая и низинная части города Горького, а в прошлом и вновь – Нижнего Новгорода. Два сотрудника бюро надежности электропоездов (надежники), Вячеслав Смирнов и Михаил Кривонос, прилетели из Риги и остановились в высокой его части, в гостинице. Прибыли по заводским делам и научным Смирнова. Каждый день по извилистым путям, огибая стоящий на пути Кремль, съезжали трамваем по кручам, с высот, в низинную часть города, в депо. В депо возвращался на отстой электропоезд и два надежника скрывались под его вагонами и выполняли нехитрую часть научной работы – отбирали пробы смазки из редукторов, просто высасывая ее ртом, заполняя полиэтиленовую трубку. Трубки Смирнов приобрел в заводе, где познакомился с производством полиэтиленовой пленки. Для него, инженера – механика, это производство было внове. Увидел машины высотой в два этажа. Ощутил жар, исторгаемый разогретыми до двухсот градусов экструдерами, в которых гранулы полиэтилена плавилась, превращаясь в вязкую массу, выдавливаемую шнеком в цилиндрическую щель головы в виде толстостенного рукава, раздуваемого в пузырь до тоненькой пленки.

Под вагоны залезали в рабочей одежде, оставляя свою рядом с поездом. Пройдя под вагонами весь поезд, возвращались к одежде и переодевались.

Стоял жаркий июль. Надышавшись подвагонными запахами мазута на шпалах, сожженного при торможении железа и серной смазки, вытирая губы от нее же, попавшей при отсасывании порций из редукторов, выбравшись из-под вагона и дую на обожженное горячими ребордами колес предплечье, Смирнов увидел Мишу, стоявшего в недоумении, вертя головой и поворачиваясь в разные стороны. Смирнов с удивлением и тревогой в голосе спросил:

—Что случилось, Миша?

—Не ошибся ли, у этого ли вагона я переодевался?

—Конечно у этого. Вот и мои одежда и сумка.

—А моей–то сумки нет, – ответил Миша.

Нет сумки, а в ней был кошелек и часы. Мы поняли, что обворованы.

В этом депо подобная история случилась с нашим инженером Виталием Сидоровым. Он остановился и ночевал в комнате отдыха локомотивных бригад. Его супруга правдами и неправдами одела мужа по моде тех времен в одежды и обувь, добытые в комиссионном магазине. Прилетел он в модном пиджаке, называвшемся „блейзер”, даже с вышитым на груди чьим-то фамильным гербом. Вернувшись вечером, оказался в комнате один. Разделся, аккуратно повесил на спинку стула брюки, рубашку с галстуком, накрыв их шикарным “блейзером”. Туфельки аккуратно задвинул под кровать и мирно заснул. Открыл глаза – уже светло. Посмотрел вокруг – по-прежнему в комнате он один. Встал и решил одеться. Но, увы. Спинка стула белела некрашеными ребрами. Нагнулся, чтобы вытащить туфли из – под кровати, но не нащупал их. С ошарашенным видом, в синих трусах, босиком дошел он до тумбочки с телефоном и позвонил дежурному по депо. Тот обещал вскоре принести ботинки и спецовку. Деньги на прожитие и на билет, на самолет, получил под роспись в кассе депо. В спецовке закончил дела в депо. В спецовке его встретили Рига и жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.